

Дея Нира

НЕЗРИМЫЕ ТЕНИ

Дея Нира

Незримые тени

«Автор»

2022

Дея Нира

Незримые тени / Дея Нира — «Автор», 2022

Посреди океана раскинулся остров, о чьи острые скалы разбилось немало кораблей, прежде чем возвели маяк. Он стал символом надежды и света. Но однажды по городу поползли тревожные слухи. Поговаривали, будто смотритель маяка продал душу нечистой силе и совершает злодеяния под покровом ночи. Девушка, наделенная даром видеть чужие судьбы, решает разобраться в правдивости страшных слухов. Для этого ей придется погрузиться в темное прошлое одной семьи.

© Дея Нира, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Анна	6
Лавка старых вещей	12
Первое видение	17
Близнецы	17
Дар или проклятие	25
В поисках ответов	36
Белый Маяк	42
Адам	50
Лошадиная ферма	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дея Нира Незримые тени

Некоторые истории словно натянутые нити между пальцев: сразу видно, где начало, а где конец. Другие – повод испытать себя на терпеливость: придется потратить немало времени, чтобы размотать весь клубок.

Анна

Маленькая Анна исчезла темной холодной ночью.

Ребенком она была не самым послушным, но к ужину возвращалась всегда вовремя. Поэтому, когда после назначенного времени прошло еще тридцать минут, ее мать и отец испытывали тревогу. Громкие оклики не привели ни к какому результату. Не оказалось ее даже в самом отдаленном уголке сада, где Анна соорудила себе шалаш из подручных средств.

Всхлипывающая мать побежала к соседям, у которых была маленькая дочка, но та испуганно вытаращила глазенки и, отчаянно трясая головой, заверила, что в последний раз переговаривалась с Анной через изгородь несколько часов назад.

Поднялся переполох. Через час уже весь городок знал, что пропала маленькая девочка.

Откликнулись все жители Скальной Гряды, но поиски осложнялись неумолимо наступающей темнотой. Вдоль поросшего лесом океанского побережья потянулись фигуры, озаряемые легкими отблесками фонарей и светильников.

Давно жители Гряды не испытывали столь тягостного и беспокойного чувства. Их скромный, патриархальный и домашний мирок был избавлен от волнений Большой Земли. Им удавалось сохранять спокойное добродушие в своих домах и сердцах. Здесь мужчины оставались мужчинами, а женщины – женщинами. Ни одной родившейся здесь девушке не приходили в голову мысли о нежелании выходить замуж. Здесь мечтали о домашнем очаге, работающем муже, хорошей хозяйке-жене и стайке веселых ребятишек.

Детей тут особенно любили. Другое такое место на земле еще стоило поискать. Судя по всему, богиня семьи и плодородия благоволила к местным жителям.

Может, мужчины и прикладывались к стакану, особенно пасмурными осенними и зимними вечерами в местном кабаке, а их грубоватые шутки могли смутить чьи-то невинные уши, но при всем этом они были похожи в своем мировоззрении: мужчина – глава семьи, ее оплот и защита, женщина – мать и заботливая жена, прощающая мелкие недостатки своему мужу. Помыслить о том, что кто-то из здешних мог похитить ребенка, казалось невозможным.

Так что пропажа маленькой девочки для небольшого городка стала настоящим потрясением, ведь тут на свадьбы и похороны собирались вместе, знали каждого по имени. Вместе смеялись и плакали. Одиночество было не в чести.

Каждый, кто ободряюще похлопал по плечу отца Анны в ту ночь и твердым голосом говорил, что они ее непременно найдут, в глубине души готовился к худшему. Знал это и сам отец девочки.

Кристина, мать Анны, несмотря на попытки заставить ее остаться дома, бесстрашно ходила с фонарем в темной лесной чаще, куда бы она ни за какие деньги не пошла после захода солнца.

Предания и легенды Скальной Гряды о потустороннем мире стали частью этих мест. Здешние убеждения покоились на диковинной смеси веры во всевидящего, карающего Бога и фантастическую природу их края. Вера в ангелов и второе пришествие была столь же сильна, как и то, что в воде обитают русалки, а в лесу поджидает его хозяин – Лесовик.

Но сейчас любая страшная легенда казалась сущим пустяком. Быть матерью означало отбросить любые сомнения и презреть страх за свою жизнь. Возможная встреча с Лесным Хозяином не могла остановить женщину, разыскивающую свое дитя. Все свои помыслы она обратила к другой Матери, когда-то потерявшей своего ребенка. Сейчас могла помочь только Пресвятая Дева. К ней одной обращались с горячей молитвой.

Время шло.

Поисковые отряды прочесывали окрестные овраги и побережье вдоль и поперек, пока небо не затянуло густыми черными облаками, а луна, мягко озарявшая землю, словно большой

светлячок, не скрылась из вида. Ночь поглотила всех, кто попал в тот миг под сень ее темного покрывала.

Пришлось отложить поиски до утра, чтобы возобновить их с первыми лучами солнца. Что и говорить, убитые горем родители не сомкнули глаз до самого рассвета, впрочем, как и большая часть жителей Скальной Гряды.

Давно здесь не происходило подобного, и, уже вернувшись домой, многие отцы, даже те, кто обычно скупались открыто проявлять чувства, обняли своих детей, ощутив прикосновение первобытного страха сродни тому, что испытывают животные, потеряв детеныша. Но этот инстинкт стократно усиливался у людей, взявших на себя бремя ответственности родительского обета. А кроме того, познавших непреодолимую силу любви.

Раннее утро выдалось туманным. Над берегом клубились белые нити, мешавшие видеть его. Но скоро рассвет вошел в свою полную силу, и серая тьма отступила перед беспощадным огненным светилом. Люди встретили солнце ликованием и страстными молитвами.

Отлив только начался, поэтому решили исследовать ту часть мыса, которую подтопило вчера ночью.

Вода постепенно отступала, обнажая обломки скал и нагромождения камней с намотанными на них водорослями. Под ногами то и дело пробегали крабы, суетливо покачивая клешнями, а потом в панике метались взад и вперед, испуганно косясь на незваных пришельцев. Но людям было не до этого. Они пристально вглядывались во все пригорки и углубления, созданные силой океана.

Под тяжестью сапог хлупала вода и потрескивали раздавленные пустые раковины. Сейчас эти звуки не приносили того умиротворения, которое возникало от обычной прогулки вдоль океанской кромки. Над спокойной поверхностью воды в солнечных бликах несло и терялось надрывное: «Анна! Анна!».

Когда берег стал понемногу уходить наверх, превращаясь в утес, на лица людей опустилась тень. Они продолжали поиски, но надежда таяла с каждым шагом, совсем как тот туман, что ранним утром покрывал побережье. Утес был так велик, что казался необъятным и бесконечным.

Если бы какой-то слабый человек оказался под этой отвесно нависающей громадой во время прилива, то сразу стало бы ясно, каков будет исход. Человеку ни за что не взобраться наверх. Не ухватиться пальцами за скользкие камни. Его неизбежно собьют с ног, накроют тяжелые потоки соленой воды и утащат в темные глубины.

Люди боялись произнести вслух то, что так хотелось сказать. Они смотрели вниз и тщетно пытались найти следы маленьких ног, хотя это и было немыслимо. Они это знали и все же продолжали смотреть, пусть даже против всякой логики. Если девочка и прошла здесь, то неукротимая мощь океана давно стерла все следы. Сколько бы раз тут ни ступали люди, всякий раз они своими глазами видели, как меняется отмель.

Сейчас вода уже далеко ушла, но люди знали, что это ненадолго и спустя несколько часов неумолимые волны вновь захлестнут песок и камни. Оставалось совсем немного времени. Одна за другой текли драгоценные минуты, набегая друг на друга. И с этим тоже ничего нельзя было поделать.

Если бы сейчас кто-то проник в головы этих сосредоточенных на поиске маленькой девочки мужчин и женщин, он бы услышал: «совсем одна, совсем одна», «не уберегли малютку», «напрасно ищем, отдала душу Господу», «бедный ребенок». Их лица были одинаково напряженными и сосредоточенными. Обрывки тревожных мыслей носились в их головах, словно стая взбудораженных пчел.

— Анна! Анна!

Визгливые чайки носились над берегом, собирая оставшуюся после отлива рыбу. Заплывавая на отмель в прибрежные впадины и ямы, глупые рыбешки становились вскоре добычей прожорливых птиц.

Отец Анны шел впереди. Иногда у него сдавливало в груди и перехватывало дыхание. От отчаяния и бессилия подкашивались ноги

«Как же так?» – думал он. Чувствовал себя столетним стариком, не способным передвигаться.

Внезапно океан словно распахнулся перед ними. Люди обогнули скальный мыс, где в самом его конце утес делал резкий поворот и совершал свой плавный спуск к воде, чтобы слиться с береговой линией. Еще двести шагов и перед ними вновь возникнет лесная чаща. Вот и погода снова начала портиться.

Пока они шли, солнце, словно устав светить все утро, стало готовиться к обеденному отдыху. Уже собрались пухлые молочно-серые облака, а вскоре упали первые капли дождя.

Отец Анны внезапно резко остановился, как-то безумно и обреченно поглядел на следовавших за ним людей. Ком в горле мешал ему. Наконец он справился с ним.

– Эй, Мартин, – сказал один из мужчин, – скала кончается. Сейчас выйдем к просеке. Мы как раз еще не смотрели у торфяных болот.

– Да, вижу, – обронил тот глухо.

Стараясь не замечать исполненных жалости взглядов, обращенных на него, он пошел дальше, чувствуя, как неожиданная ярость закипает в нем.

«Что они так смотрят? Надежда еще есть!»

Злясь на них и на себя, он прекрасно осознавал причину этой злости. Ему было страшно так, как никогда прежде. Еще и проклятый дождь усиливался, низвергаясь из серых облаков. Морось смешивалась с океанской поверхностью, становясь новым прохладным клубком тумана, мешавшим видеть.

У подножия скалы, где обнажился песок и камни, вдруг открылось углубление, словно странная ухмылка на базальтовой плите, зиявшая как беззубый рот. А потом события завертились, словно представление на рыночной ярмарке.

В темном проеме из ниоткуда возникла маленькая девичья фигурка, будто по мановению волшебной палочки перед смертными предстало мифическое морское создание.

Длинные темные волосы облепили ее плечи, падая на грудь, платье было мокрым, а подол грязным. На ножках ни башмачков, ни чулочков. Лицо казалось бледным, застывшим, но глаза на этом лице были живыми, черными и огромными.

Все остолбенели от неожиданности, замерли, как вкопанные, ведь у каждого мелькнула мысль о том, что это невозможно! Она – не настоящая! Это видение!

Они слишком долго ее искали, вглядываясь во тьму, в воды океана. И теперь проклятая усталость дает о себе знать! Но все это прошло через секунду, а затем у всех одновременно вырвался не то вздох, не то крик.

Все к ней бросились, заговорив разом, принялись растирать холодные ручки и ножки, закутывать в теплую шаль. А Мартин подхватил девочку, как перышко, прижимая к плечу, задыхаясь от переполняющих его чувств, не переставал повторять ее имя и уже не отпускал до самого дома, неся на дрожащих от волнения руках.

Вот так маленькая Анна и нашлась.

Сперва никого не смутило, что она молчала. Слишком много пережил ребенок, и всем была понятна ее неразговорчивость.

Но она продолжала хранить молчание и на второй день, и на третий. Когда ей заглядывали в глаза, то казалось, будто она смотрит не на человека, а сквозь него. Тут уж родители снова забеспокоились.

Решили позвать священника.

Он прочел несколько молитв, окропил святой водой весь дом и саму Анну. Девочка никак не реагировала на это действие, но как только священник ушел, она подняла голову и зрачки ее расширились. Голубые глаза снова стали черными. Совсем как тогда в пещере! Плотно сомкнутые губы разжались. И тут малышка медленно, но четко произнесла каким-то чужим, низким и спокойным голосом:

– Он умрет, как только увидит яркий свет.

Кристина, невзирая на бесконечное счастье от того, что дочь нашлась живой и невредимой, ощутила, как по спине внезапно пробежал противный холодок. Куда делся нежный головок ее дочурки?

– Что ты сказала, милая?

Лицо Анны напряглось, по телу прошла сильная дрожь. Ее широко распахнутые глаза были прикованы к двери, через которую только что вышел священник.

– Он скоро умрет.

Мать так и залилась слезами. Глаза девочки казались стеклянными, холодными, а голос был страшным, словно доносился из подземелья. С тех пор как малютка появилась в доме после своего исчезновения, она ни разу не улыбнулась, а тут еще и это.

Мартин поехал в город и привез лучших врачей, которых смог отыскать.

Те осмотрели Анну по очереди и ничего опасного не нашли. Физически она казалась абсолютно здоровой. К тому же, девочка вновь заговорила своим обычным детским голосом, поэтому врачи вынесли вердикт: ребенок пробыл сутки в холодной пещере и ни с кем не разговаривал. Изменение тембра голоса связано именно с этим. Волноваться было не о чем.

Она и в самом деле стала такой, как прежде. Румянец вновь заиграл на ее щеках. Вернулся аппетит. Но родители никак не могли взять в толк, что же с ней приключилось. Расспросы ни к чему не привели. Анна повторяла одно и то же. Она заигралась на берегу, а когда стемнело и вода начала подниматься, испугалась и спряталась в пещере. Было темно и страшно, а больше она ничего не помнит.

Все успокоились.

Жизнь неспешно потекла своим чередом. Только как-то утром зашла соседка навестить Кристину и рассказала последнюю новость: священник, что приходил к Анне, скончался накануне от удара молнии.

Эту историю Анна слышала множество раз.

Странное, загадочное происшествие из детства. Когда-то ее исчезновение взбудоражило Скальную Грядку. Но еще больше, чем счастливое спасение, жителей городка потрясла другая, более пугающая новость: малютка Анна начала предсказывать будущее и видеть больше, чем доступно простым смертным.

С тех пор ни она, ни ее семья не знали покоя.

Соседка, охая и вздыхая, поведала историю со священником на городской площади торговке грушами. Та поделилась новостью с товарками, и к вечеру Скальная Гряда гудела, как встревоженный улей.

Всем было страсть как интересно выяснить главное: это дар небесный или же, что гораздо хуже, бесовский? Кто знает, что произошло с девочкой во тьме? И какие силы смогли защитить ее, одинокого, заблудившегося ребенка, от холода и смерти?

В каждом доме с пылом обсуждали столь волнующее событие. Во-первых, в здешних местах редко случалось подобное, а это значит, что любое происшествие было похоже на то, как если бы в тихий пруд забросили гигантский камень. Во-вторых, не каждый день сообщают, что обычная, веселая прежде девочка начинает впадать в оцепенение и говорить мужским голосом о гибели служителя Господа. И что еще интереснее, говорить правду.

После предсказания смерти священника Анна поведала одной бездетной паре, безуспешно пытавшейся завести ребенка вот уже много лет, скорое рождение малыша.

– Это будет мальчик с родинкой на лбу, – предрекла она.

И вот, пожалуйста! Вскоре оказалось, что девчонка права!

Разговоры дошли до городского судьи и, чтобы предотвратить волнения в городе, он решил испытать ребенка.

Внешне девочка походила на своих сверстниц, и ничто не выдавало в ней сверхъестественных способностей. Анна послушно отсидела церковную службу и даже трогательно спела несколько псалмов. Не испугалась она ни святой воды, ни причастия. Стало быть, ничего демонического в ней быть не могло.

Все вздохнули с облегчением. Значит, девочка отмечена особым даром Божиим, который должен утешать простых людей.

Теперь не проходило и дня, чтобы у порога дома родителей Анны не собиралось с десяток человек. Кто-то выходил оттуда счастливым и довольным, кто-то задумчивым, но случилось, что и рыдали навзрыд. Сама девочка, после того как заглядывала в судьбы других людей, чувствовала слабость и порой теряла сознание.

Мать переживала за нее и говорила отцу, что этот «дар Божий» доведет ребенка до гибели. Впрочем, Анна довольно быстро приходила в себя, словно ничего не случилось и вновь с готовностью заглядывала в человеческие судьбы, читать тайны которых стало ее призванием.

Вскоре она поняла, что не нужно говорить людям все то скрытое, что удавалось узнать. Будто какая-то мудрость открывалась ей вместе с каждым новым видением. Кое-где она старалась смягчить жестокую правду, но радостные события всегда сообщала полностью. И хотя людей немного пугало то состояние, в которое она впадала, любопытство и благодарность за приоткрытую завесу тайн их судеб, оказывались сильнее.

Девочка никому не отказывала в помощи, и люди в своем большинстве искали способ отблагодарить ее. Один богатый фермер подарил семье Анны корову, и теперь у них всегда было свежее молоко. Состоятельные горожане не оказывались в долгу и всегда оставляли щедрое вознаграждение.

– Погляди, Кристина, – растерянно говорил отец, обращаясь к жене, показывая на довольно внушительную сумму денег, скопившуюся в деревянной шкатулке, – будет нашей дорогой девочке доброе приданое. Выдадим ее за самого лучшего жениха в округе.

Самой Анне мысли о замужестве не приходили ни в десять, ни в пятнадцать, ни в двадцать лет.

Хотя она и превратилась в привлекательную девушку, ни один мужчина не волновал ее воображение. Ее искренним желанием стало помогать другим людям, утешать их и спасать, если это возможно. В свою же судьбу она предпочитала не заглядывать, но не потому что страшилась ее. Девушка не видела в этом необходимости, уповая на провидение.

К ней ехали за помощью, утешением и советом, и Анна терпеливо принимала всех, хотя порой откровения давались тяжело.

С возрастом она стала видеть больше образов.

Они становились четкими, целостными и ясными. Все чаще видения приобретали вид истории, в которой переплетались судьбы других людей, незнакомых ей. Это было волнительно, увлекательно и страшно, но она не допускала и мысли, что может оставить это занятие. Когда Анне исполнилось двадцать два года, в ее черных волосах появились яркие белые пряди.

– Деточка, ты принимаешь все так близко к сердцу, – говорила ее мать. – Такая добрая, всем готова помочь. Замуж бы тебе выйти, и я успокоюсь. Вот отец смотрит на тебя с небес и, готова поклясться, молит всех святых о твоём благополучии.

Но Анна лишь улыбалась уголками губ. Если бы она могла, то рассказала бы о мире бесчисленных духов, о тайнах жизни и смерти. Но не имела права. Когда-то, во мраке холодной

пещеры девушка дала одно обещание, обретая силу, и нарушить этот обет означало пошатнуть хрупкое равновесие.

Теперь они с матерью жили в каменном домике, увитом плющом и дикими розами, построенном на месте их старого деревянного. Вставала Анна до зари, открывала ставни и выпускала свежий морской воздух в дом. Затем обязательно совершала прогулку вдоль берега, любуясь восходящим солнцем и пробуждающимся океаном.

Прогулка была делом привычным и необходимым. Запах морской воды, соленого ветра и водорослей, занимающийся несмелый рассвет проясняли мысли и чувства лучше всего.

В такие мгновения она была наедине с океаном. Он огромный, синий, отражающий в себе небо, грозный в своем гневе, но неизменно завораживающий. И она – маленькая девчонка из прибрежного городка, молчаливая хранительница тайн, в которые ее посвятили неведомо за какие заслуги.

Солнце медленно загоралось где-то там, за далеким горизонтом. Песок и камешки хрустели под ногами. Анна обожала эти шорохи, всплески, движения волн в спокойную погоду или, напротив, нервные, резкие движения воды, стоило пробудиться сердитым северным ветрам.

Она черпала силы, глядя в черный омут океана, чувствовала дыхание воды, ее необъятную таинственную магию. Ту, что была с начала времен.

Анна взяла часть этой магии, потому что так предназначено. Ей доверили один из секретов, скрытых от большинства людей, чтобы сделать мир лучше.

Лавка старых вещей

Подвижный голубой «форд» остановился на городской площади около девяти часов утра. Из него вышла стройная темноволосая девушка и огляделась. Женщины махали ей, а мужчины приподнимали головные уборы.

– Доброе утро, Анна! Как поживает ваша матушка?

– Когда заглянете к нам на чай?

– Ваш совет очень пригодился! Весьма благодарны!

Девушка испытывала и неловкость, и радость от их приветливости. Ей нравилось осознавать, что она не чужая здесь, и в этом не было ни гордыни, ни тщеславия.

Начинался туристический сезон, и городок наполнялся приезжими. Океан, мягкий летний климат, буйная зелень лесов, аккуратные домики с красными черепичными крышами в окружении садов и цветников делали городок невероятно красивым и живописным местом.

Когда-нибудь она тоже покинет Скальную Грядку, пересечет океан и посетит все прекрасные столицы мира. А пока ей нужно успеть забежать в аптеку, чтобы купить лекарства для матери, и, конечно, не обойти вниманием книжный магазин.

Часто она приобретала книгу, ехала домой в предвкушении, что сядет у окна или на берегу, вдохнет запах страниц с типографской краской, мысленно отправится в путешествия по городам и странам, узнает о жизни других людей, переживет с ними приключения. Раз за разом она привозила новые книги домой и... ставила на полку, обещая начать читать сейчас, ну, или чуть позже.

Их становилось все больше, а места на полках все меньше. Книжный город рос, каждой отводилось свое место, и каждой из них Анна дала обещание. И оттого немного переживала, проходя мимо стеллажа.

«Скоро! – говорила она. – Вот увидите! Совсем скоро вы все побываете в моих руках. Дайте мне немного времени».

Ей нравилось это ощущение, которое испытывает коллекционер, добывающий вещь за вещью, бережно хранящий свои сокровища. Книги молча ждали своего часа. Они знали, что Анна сдержит обещание, ведь книги должны быть открыты и прочитаны. Им необходимо говорить, необходимо позволять человеческим пальцам касаться их гладких или шершавых страниц, выпитывать соль от неизбежно проливающихся над ними слез радости или печали.

Девушка все это знала.

Каково это взять перо и вывести первые фразы?

Вот они у тебя в голове, роятся, словно беспокойные пчелы, жалят изнутри, посылают импульсы нервным окончаниям: «Давай же, покажи нас этому миру!». И ты уже покорно подчиняешься этому внутреннему зову. Образы рвутся наружу, и поверьте: лучше дать им выход. Иначе это чувство сожжет тебя изнутри.

Порой рука Анны так и тянулась к письменным принадлежностям. Что-то огромное зарождалось внутри нее, стремилось наружу. Но она выжидала и говорила себе, как и своим книгам: «Подожди, еще не время».

Почему ей хотелось иметь много книг дома? Она не знала точного ответа. Но каждая из них казалась домом с жильцами, чьи истории хотелось узнавать. К кому-то зайдешь в гости раз в полгода или месяц, а кого-то хочется видеть каждый день.

Выбор был интуитивен. Иногда с первых строк становилось ясно, попадет ли новинка к ней домой или вернется на свое место в магазине. Но сегодня она обошла все полки и, странное дело, не обнаружила ничего подходящего. Титаны и божества литературного Олимпа безмолвно взирали на нее во всем своем великолепии. Ей вдруг захотелось уйти, ничего не купив.

– Что же это? – Анна испытала легкое чувство досады. – Быть такого не может. Нет, надо просмотреть внимательнее.

Но спустя десять минут она покинула магазин, пребывая в растерянности. Ее не оставляло ощущение некоего незавершенного дела, будто она забыла что-то и не способна воскресить это в памяти. Казалось, что необходимо сделать нечто очень важное, чему она пока не могла дать внятного объяснения.

И тут ей бросилась в глаза яркая желтая вывеска, которая еще на прошлой неделе отсутствовала. Это открытие заставило девушку замереть на месте.

На деревянной поверхности было вырезано «Лавка старых вещей», а под надписью мелким шрифтом – «История живет здесь».

Девушка взглянула на часы. У нее в запасе минут пятнадцать.

Внутри лавки царила прохлада, несмотря на то, что солнечный свет лился через полукруглые окна. Полки, витрины и шкафы были заставлены вещами, которые неизменно вызывают восхищение у любителей загадок и тайн.

Анне стало очень спокойно, будто время замедлило ход.

Ее взгляд скользил по зеркалам в старинных рамах, шкатулкам с затейливым орнаментом, картинам давно почивших художников, книгам с потертыми корешками. Казалось, стоило только хлопнуть в ладоши, как ее окутает пыль с ног до головы. Часть предметов была тщательно вытерта чьей-то заботливой рукой, расставлена и разложена по местам, но многие вещи лежали в коробках или даже на полу.

– Умоляю...

Чей-то шепот ворвался Анне прямо в уши, и она вздрогнула, оглянувшись. Никого рядом не было, хотя она могла поклясться, что невидимка подошел к ней вплотную.

– Ищите что-нибудь особенное? – послышался голос. На этот раз настоящий. Из-за шкафа показался пожилой мужчина в полосатом фартуке. Он вопросительно смотрел на девушку сквозь толстые стекла больших очков, которые то и дело сползали ему на нос.

Анна кивнула, собираясь с мыслями.

– Еще не решила, – извиняющимся тоном произнесла она. – Шла мимо и поняла, что не видела вашей лавки раньше.

Старик поправил очки, затем фартук и развел руками.

– Так и есть! Мы только открылись. Сын с детства любит всякое старье, можете представить? Вот, уговорил меня. Мы переехали с Восточного побережья.

– Откуда эти предметы? – поинтересовалась девушка. – Где вы их берете?

– Это все Филипп. Ездит всюду, покупает старые, интересные на его взгляд вещи, ремонтирует их, если надо. Он любит мастерить.

– Тут и правда интересно, – заверила Анна.

– Что ж, пожалуйста, выбирайте. Ассортимент у нас широкий: от вазочек до шкафов. Есть пара приличных картин. Не стесняйтесь.

Вещей было довольно много, и чтобы осмотреть все, понадобится не менее часа. Анна торопилась, и все же никак не могла понять, что привело ее сюда.

Она пошла вдоль полок, вглядываясь в очертания предметов. Мелькали шкафчики, лампы, украшения, подсвечники и статуэтки, довольно милые, но из увиденного ничего не привлекло ее внимания. Вот тяжелые серебряные рамки, в которых были чьи-то фотографии, стаканы и бокалы с гравировкой бывших владельцев, бронзовые часы с потемневшим циферблатом и кованые сундуки.

Старик кашлянул у нее за спиной.

– Если порекомендуете нас своим друзьям, сделаем вам скидку.

Анна улыбнулась.

– Конечно, я с удовольствием. Но не беспокойтесь насчет скидки. Мне будет не трудно о вас рассказать.

От этих слов старик просиял.

– Очень любезно с вашей стороны. Нравится что-нибудь? Могу помочь, если нужно.

Анна кивнула, собираясь ответить, как вдруг что-то поманило ее в глубь лавки, словно невидимка взял за руку и повел за собой. Она, не сопротивляясь, вняла этому молчаливому зову.

Все вокруг будто исчезло.

Померк солнечный свет, стих голос старика, который ей увлеченно что-то рассказывал, а стены, шкафы и потолок слились в одно целое. Она оказалась посредине огромной залы без окон и дверей, без конца и края. Анна приблизилась к небольшому ящику на подставке. И все ее внимание сконцентрировалось на том, что лежало внутри.

Ящик был полон игрушек: деревянных солдатиков, кукол и погремушек.

Воздух стал тяжелым. Он сгустился вокруг нее плотным кольцом. Анна знала это чувство. Ее дыхание участилось, и, словно замороженная, она медленно подняла руку и поднесла ее к ящику, не отрывая взгляда от игрушек.

Пальцы нащупали полированный бок деревянной лошадки с чуть облупившейся краской. И сразу знакомая горячая волна поднялась в ней, устремила от самых ног вверх, затопила грудную клетку и захлестнула голову.

Теперь девушка стояла в темной комнате, сжимая лошадку запотевшей ладонью. В этом мрачном безмолвии единственным звуком было только ее прерывистое дыхание. Казалось, будто на ней повязка, едва пропускающая свет, поэтому двигалась Анна неспешно.

Так происходит в кошмарных снах, когда человека оставляют последние силы, и нет никакой возможности что-то изменить.

Девушка знала, что это означает: вторжение в другой мир, куда обычно не приглашают людей. Так уж вышло, что она, словно призрак, могла проникать за закрытые двери, не в состоянии повлиять на что-либо.

Совсем рядом в соседней комнате капризно захныкал младенец, а вслед за ним послышался голос и другого малыша.

Анна замерла, испытывая смутное желание попасть туда, откуда доносились голоса. За стеной кто-то расхаживал тяжелой поступью, напевая. Младенцы попискивали, словно котята. Раздался грохот и крик. Она уже ничего не видела: повязка на глазах стала совсем черной.

– Нет!

Девушка рванулась изо всех сил, наощупь, не чувствуя ни рук, ни ног. И только в голове ее звучал детский плач.

– Пожалуйста!

Кто-то сказал это сейчас вместе с ней, и она уже была в чужом женском теле. Она увидела полные руки и полную грудь, мелькнул подол длинного коричневого платья. Возник дощатый пол, заскрипели половицы и прямо перед ней закачалась деревянная расписная колыбель.

Анна так и задрожала, не увидев там детей: колыбель была пуста.

Порыв сильного ветра выбил окна в комнате, разметав в щепки раму, и девушку отшвырнуло к стене.

Она попыталась вздохнуть, но с ужасом обнаружила, что не может этого сделать. Беспроглядная тьма окутала ее со всех сторон, будто плотное покрывало. Анна собрала всю свою волю, зажмурившись.

«Все это ненастоящее, – мелькнуло у нее. – Я не погибну сейчас. Очнись. Просто открой глаза. Это лишь видение».

Такая мысль придала ей сил. Темнота сменилась нарастающим светом, который понесся навстречу.

«Очнись!»

Воздух вновь ворвался в ее легкие, и Анна вдохнула полной грудью. Первое, что она увидела, было перепуганное лицо старика. Он тряс ее за плечо, отчего его очки оказались на кончике носа.

– Что с вами, ответьте!

– О! – Анна поморгала, встряхнула головой и попыталась сесть. Все вокруг кружилось. Девушка зажмурилась.

– Не так быстро, – сказал старик, поддерживая ее. – Как же вы напугали меня! Ну, думаю, на тебе! Первый день и такое!

Она перевела дыхание. У нее вырвался смешок.

– Да, извините меня.

Он замахал руками.

– Вам не за что извиняться. Вот, посидите тут немного, – хозяин лавки придвинул стул. – Хотите, может, стакан воды?

– Если вас не затруднит.

– Уж какое там.

Старик скрылся в глубине лавки. Анна задумчиво посмотрела на деревянную лошадку. С ней ведь и раньше случалось подобное.

Например, когда маленький Иво не вернулся домой и его разыскивали всем городом, совсем как ее когда-то. Мать Иво принесла тогда любимую игрушку мальчика, чтобы девушка могла установить связь с ребенком. Мальчика нашли, следуя указаниям Анны.

– Как тебе это удастся? – обычный вопрос, который возникал у людей, удивленных подобным развитием событий. И за этим удивлением всегда скрывался страх.

Когда-то она напугала своими предсказаниями многих.

Анна точно знала, как ее называли. Только чудом она не стала изгоем и сумасшедшей в глазах окружающих. Родилась бы двумя веками раньше и тогда бы не дожила до своих двадцати двух лет.

Сила, пробудившаяся в ней много лет назад, когда она ребенком оказалась в темной сырой пещере, стала ее естественной частью, будто дремала в ней и ждала своего часа. Порой она проявлялась под видом ужасающей стихии, когда из уст Анны срывались слова на неизвестном наречии или она говорила низким, страшным голосом, словно это звучал голос самого дьявола. Те, кто слышали его, говорили именно так. Любой испугался бы.

Но затем перед всеми появлялась другая, обычная Анна в ореоле света. Голос снова становился певучим и нежным, совсем не похожим на дьявольский говор. Нет, эта девушка не могла быть плохой, ведь она спасла множество жизней. И люди привыкли к этой новой Анне.

Когда хозяин лавки вернулся со стаканом воды, девушка ждала его у прилавка, протягивая деревянную лошадку.

– Красивую игрушку выбрали, – одобительно произнес он.

«Или она выбрала меня», – подумала Анна.

Сегодня посетителей оказалось довольно много, и девушка очень устала. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Утреннее видение особенно опустошило ее. Но Анна старалась не думать об усталости.

«Помни, для чего тебе это дано. Ты сильная. Потерпи».

Она терпеливо дождалась, пока закроется дверь за последним посетителем, зная, что могло ей помочь.

Вечер был удивительно теплый. Синие волны приветливо шелестели, перебирая мелкими камешками и раковинами. Оранжевое небо касалось воды, сливаясь с ней. Анна улыбнулась, сбрасывая одежду, распустила волосы и шагнула в бурлящий, приветствующий ее океан.

Он принял ее в свои объятия, нагую, восторженную, покачивая. Слабость отступала с каждой накатывающей волной. Вода обволакивала, даря блаженство и умиротворение. Океан, могучий, бескрайний, легко забирал усталость.

Ему это ничего не стоило.

– Благодарю тебя, – шептала Анна. – Ты исцеляешь меня раз за разом. Я вновь такая, как прежде.

Эта мысль делала ее счастливой. Чувство блаженного ликования так и переполняло ее. Анна была частью природы, частью того, что оставалось за гранью открытого для понимания обычного человека. Она не знала, Бог или Дьявол оказывались с ней в эти мгновения. Зато была уверена, что это сроднилось с ней, словно данное при рождении. И если бы у нее отобрали этот дар, она бы ощутила себя матерью, у которой забрали ребенка.

Выйдя из воды, девушка еще немного постояла на берегу, глядя перед собой, прислушиваясь к звукам ночи, затем набросила на плечи шерстяной плед и направилась к дому, размышляя.

В тот самый момент, когда она погрузилась в исцеляющие воды океана, ей пришла в голову одна мысль.

«Я должна зайти дальше, – сказала она себе. – Хочу увидеть больше».

Дома она высушила мокрые волосы у открытого огня. Поленья в камине горели ярко, потрескивая, распространяя аромат хвои.

Анна приготовила особый травяной отвар. Он должен был помочь ей справиться с видениями, придать сил, чтобы проснувшись, она не чувствовала себя разбитой и запомнила сон до мельчайших подробностей.

Травы для напитка она покупала в местной лавке, но чаще собирала сама, аккуратно засушивала и раскладывала в определенном порядке. Теперь они сослужат хорошую службу. Отвар получился обжигающим и терпким. Она выпила его залпом, без остатка.

Затем, чувствуя нарастающий внутри огонь, взяла в руки деревянную лошадку, прижала к груди и легла в приготовленную постель, тихо напевая. Девушка призывала силы, помогающие ей наполниться жизненной энергией для свершения задуманного.

«Да будет так».

Первое видение

Близнецы

День выдался таким жарким, что земля покрывалась трещинами, а собаки и лошади ходили с высунутыми языками, изнемогая от чудовищного пекла. К тому же, как назло, ветер совершенно стих, обрекая на мучения тех бедняг, которых раскаленное солнце застало в пути далеко от дома и спасительной тени. Океан стал вязким и теплым, как масло, нагретое на сковороде.

Во всяком случае так утверждали горожане, пытавшиеся спрятаться от жары. Так что надвигающийся вечер встретили с облегчением, ожидая, что хоть чуточку повеет прохладой. Но уж никто не ожидал, что ночью разразится страшная гроза.

Казалось, гнев Божий обрушился на землю, чтобы смыть людские грехи, а то и вовсе покончить с родом человеческим.

Некоторые сетующие грешники, проклинающие свою гордость и алчность, простояли до самого утра на коленях, умоляя всех святых сжалиться над ними и послать возможность искупить свою вину. Приносились обеты отдать последнее имущество бедным, пожертвовать на строительство храма, попросить прощения у обманутых и обиженных, а то и вовсе прилюдно позволить высечь себя на площади, чтобы публично покаяться в свершенных преступлениях.

Вера в кару Божью в виде природных катастроф все еще жила в умах людей, полагающих, что все бедствия непременно являются причиной их далекой от святости жизни. То ли наука толком не дошла в маленький городишко (а это был 1898 год), то ли сказалось отдаленное местоположение. Городок находился в самой северной части одного острова, а до ближайшего порта на Материке надо было добираться часа четыре, не меньше.

Так или иначе, несмотря на темную ночь и пронизывающий ледяной ветер, что внезапно сменил адское пекло, хлещущий дождь и раскаты грома, под куполом местной церквушки, в звоннице, с неистовством раскачивался и звенел на всю округу медный колокол. Сам звонарь раскачивался в такт колоколу, вкладывая в это действие не только физическую, но и духовную силу, призывая жителей города очнуться ото сна и обратить свои мольбы Пресвятой Деве.

Фигура звонаря то возникала, то исчезала по мере того, как свет от вращающейся лампы маяка пронизывал ночной мрак и падал на церковь. Ее шпиль как раз достигал уровня смотровой площадки маяка, где, глядя то на город внизу, то на расстилающийся горизонт, стоял высокий плотный мужчина.

Видимо, на последней проповеди люди не вняли гласу священнослужителя и мало пожертвовали на нужды прихода. Вот теперь и пришла расплата.

Подобные мысли роились в голове у Петера, смотрителя маяка, нервно кусавшего губы, пока его пальцы пробегали по длинным нитям четок, слабо пахнувших деревом, из которого были сделаны бусины.

Ночка выдалась промозглой, не чета дню, а черный океан обрушивал яростные волны на скалистое побережье. Смотритель поежился. Не позавидуешь кораблям, попавшим в такой шторм. Уцелеть было почти невозможно. Утром точно не досчитаются лодок и баркасов.

В последний раз, когда шторм был тише, и то пришлось чинить мостики на пристани, а тут малой кровью не обойдется. Мужчина провел дрожащими пальцами по густым черным с проседью усам, прислушиваясь к звону колокола, доносящемуся сквозь завывание ветра и грохот стекающей воды по желобам. Он мог спуститься вниз, раз уж маяк исправно работал, но предпочитал находиться здесь, чтобы не слышать истошных женских криков, которые не мог выносить.

Его жена не могла разродиться уже вторые сутки, вопреки усилиям врачей и повивальных бабок. Петер решил, что в столь тяжкий час не помешает любая помощь, поэтому послал сперва за местным доктором с помощником, а после и за повитухой. Светило медицинской науки со снисхождением, а то и вовсе с презрением отнесся к знахарке, лечившей заболевания не с помощью доказанных методов, а верований в духов и силу трав.

Впрочем, если вначале тот и другая слабо переругивались, стараясь продемонстрировать свое мастерство, то сейчас, когда роженица в полубреду принялась умолять, чтобы ей дали умереть, испуганно сгрудились около ее кровати, с растерянностью глядя друг на друга. Все их знания казались бесполезными, в чем, впрочем, они не торопились признаваться.

По странному стечению обстоятельств ни врач, ни знахарка не обладали, как оказалось, в полной мере необходимыми знаниями, чтобы облегчить муки несчастной. Единственное, в чем они сошлись, наконец, было понимание непреодолимого обстоятельства, зовущееся роком или судьбой.

Человек – существо слабое. Ему ли выступать против воли Божьей? Списать свою некомпетентность на Всевышнего показалось им обоим весьма убедительным. Поэтому, смиренно сложив руки на груди, потупив глаза, они так и заявили смотрителю маяка, призывая его покориться судьбе.

Смотритель воспринял эту новость не слишком радостно, но тем не менее послушно принялся читать псалмы нараспев, путая слова, а то и целые предложения. Подушечки его пальцев начали неметь от непрерывного трения о четки, с которыми он не расставался вот уже много часов подряд.

Иногда мужчина перекладывал четки в одну руку, продолжая молиться, а другой рукой извлекал из глубокого кармана плоскую бутылку с янтарной жидкостью. Петер делал несколько глотков, обжигая небо и горло, захлебываясь, заплетающимся языком договаривал слова молитвы, а потом неловко запихивал бутылку обратно в карман, чтобы вновь вытащить ее минуту спустя.

Подкрепить свои силы в столь страшное время было необходимо. Он боялся думать о том, что происходило внизу, и уж тем более боялся зайти в дом, замирая от ужаса, от терзавших его мыслей. Также, не мог дать определения, чего опасался больше: гнетущей тишины, предвещавшей смерть, или жалобного протяжного вопля, который заставит его попятиться назад и вновь укрыться в башне маяка.

Смотритель был сильным, с большими крепкими руками и ногами, но сейчас чувствовал себя совершенно беспомощным и слабым. Все, что ему оставалось, это продолжать свои манипуляции с четками, бутылкой и не отводить глаз от церковного шпиля.

Чего Петер совершенно не понимал, так это самого характера затянувшегося родового процесса.

Жена пекаря, худая, тощая и нескладная, толком-то и не помучавшись, произвела на свет хорошенького пухленького младенца мужского пола всего за два часа! Пока она была на сносях, кумушки твердили без умолку, сплетничая про узкие бедра жены пекаря, что непросто ей будет родить, ох, непросто. И вот пожалуйста! А его молодая красавица, пышнотелая, статная, изодрала не одну пару простыней, цепляясь за них в муках, приподнимаясь на ослабевших руках, как только очередная схватка достигала болевого пика.

Он женился на ней в прошлом году, соблазнившись не столько богатым приданым, сколько полными очарования и кротости глазами, рассчитывая наполнить свой дом ребятишками и встретить старость в большой дружной семье. Теперь, похоже, все его планы летели к чертям.

Смотритель качал головой, негодуя на природное устройство мира, не решаясь, впрочем, негодовать на Бога, чтобы не навлечь его окончательную немилость. Петер принялся вспоминать свои грехи, большие и маленькие, пытаясь разобраться в правомерности поступков.

Ну, в молодые годы по девкам ходил, по местным кабакам, с чужой женой баловался разок. Но разве ж он кого ограбил? Разве кого убил?

Затуманенный алкоголем мозг не мог дать внятное логическое обоснование преступлениям против нравственности, и зритель прекратил попытки оправдаться. Ему показалось, что, скорее всего, раз на то воля Божья, так тому и быть, а удел человеческий – покорно сносить тяготы и бремя своего существования.

Мужчина вновь достал бутылку из кармана и с удивлением обнаружил, что она пуста. С упорством человека, понимающего бессмысленность своего действия, Петер поднес бутылку ко рту, запрокинул голову, чтобы выудить несколько оставшихся капель на дне. Затем сделал нетвердый шаг по направлению к винтовой лестнице, зацепился штаниной за выступающий железный крюк и, не удержавшись на ногах, полетел прямо в темную пропасть, с грохотом отсчитывая ступени.

Приложившись пару раз затылком о жесткую поверхность, зритель потерял сознание еще до того, как его тело продолжало по инерции переваливаться со ступени на ступень, словно мешок с мукой. Движение на лестнице прекратилось, и через пару минут тишину нарушил только раскатистый храп, сопровождавшийся невнятным бормотанием.

Экономка Клара, придя сюда, обнаружила его погруженным в глубокий сон. Что-то ворча себе под нос, она потрясла его за плечо, но смесь рома и тяжелых переживаний действовали на зрителя похлеще любого снотворного, поэтому ей пришлось потрудиться, прежде чем она достигла результата.

Первое, что она услышала, был поток ругательств и бессвязных слов, которые, впрочем, быстро сменились протяжными стонами и жалобами на головную боль. Не обращая на это внимания, женщина встряхнула его еще раз.

Зритель резко выпрямился, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Фу, ты! Что тебе?

– Послушай-ка, хватит спать. Жена твоя родила двойню. Слыхал?

Двойня! Такого он не ожидал. Гримаса на оплывшем лице сменилась глуповатой, искренней улыбкой. Петер перекрестился.

– Вот так? Сразу двое?

Экономка уперла руки в бока.

– Так и есть! Сходил бы да и посмотрел, чем здесь валяться.

Зритель облизнул пересохшие губы, борясь с тошнотой. Но это было уже неважно. Сейчас он встанет, сейчас. Клара, видя его усилия, покачала головой, подхватила под руку, чтобы помочь подняться.

– Когда родила?

– Да вот, перед самым рассветом. Немного погода первого луча солнца.

– Ну, идем же. Помоги мне.

Первым делом зритель обнял жену и расцеловал, но она с каким-то страхом отшатнулась от него и слабо кивнула, махнув в сторону, где под зеленым пологом стояла деревянная колыбель.

Дети были премилые. Розовые комочки, туго спеленатые, мирно дремали, тесно прижимаясь друг к другу, словно котята.

– Надо бы у плотника вторую заказать? – шепотом произнес зритель, обдавая стойким перегаром экономку.

Клара посмотрела на близнецов.

– Можно. Но так-то им спокойнее. Как в утробе вместе были, так и тут. Жалко разнимать.

– Так-то так. Но нехорошо мальчику и девочке вместе спать, пускай даже они брат и сестра. Не дай Бог чего...

Петер осекся, прикусив язык, чтобы не пустить грех в мысли, не произнести вслух дурное и тем самым накликал беду. Однако вскоре оказалось, что эти страхи вполне могли сбыться.

Всякий раз, как девочку уносили искупать или покормить, выражение лица у мальчика менялось. Смотритель не мог взять в толк, мерещится ему этот угрожающий взгляд или всему виной выпитая тайком лишняя рюмка.

Он присматривался к ребенку, доказывая себе, что младенцы не умеют думать, что они слишком невинны, чтобы различать хорошее и плохое. Да и что плохого было в том, чтобы помянуть маленькую Софию, поиграть с ней? Она всегда так радовалась, когда отец брал ее на руки и возился с ней. Не то, что Деметрий, взгляд которого менялся с настороженного на колючий и вопрошающий.

Видеть у обычного младенца суровое выражение лица было слишком необычно, странно, даже пугающе. Ведь все младенцы такие улыбчивые и трогательные. Ну, просто ангелы!

Деметрий не походил на ангела. Разве что в те минуты, когда он чувствовал, что София спит рядом, лицо его приобретало какое-то одухотворенное выражение, которое сразу исчезало, стоило разлучить брата с сестрой на время. Он принимался смотреть по сторонам, насколько это позволяло его физическое развитие, ища взглядом сестру. В этом взгляде была тоска, неуверенность... Смотритель мог поклясться в этом: подобное никак не укладывалось у него в голове!

Взгляд Деметрия был слишком взрослым, все понимающим. Будто смотрели глаза опытного, познавшего жизнь человека.

Бояться младенца, пусть даже такого необычного, казалось верхом бессмыслицы и глупости, но смотритель не мог заставить себя преодолеть ощущение, что сын не сводит с него глаз, словно угрожает ему и своим молчанием говорит гораздо больше. Поэтому мужчина все реже брал его на руки, испытывая смесь неприязни и чувства вины, не решаясь признаться окружающим в своих подозрениях.

Его жена, стоило ей оправиться после тяжелых родов, слезно просила его больше не заводить детей, просиживала у окна в кресле с вышиванием, глядя на океан отрешенным взглядом и глубоко вздыхая.

Иногда она брала из колыбельки Деметрия и ходила с ним взад-вперед по комнате, тихонько напевая детскую песенку, затем укладывала обратно, забывая о нем на несколько дней, чтобы потом снова вспомнить о его существовании. К Софии она почти не притрагивалась, да в этом почти не было нужды, потому как малышку окружил вниманием отец, который все свое свободное время проводил рядом с ней.

В погожий день он непременно брал девочку на прогулку, заботливо укутав ее, показывал океанский берег, рыбацкие лодки и расстилающийся голубой горизонт. Поднимался он с ней на маяк, рассказывая о важности своей работы, о власти огня над тьмой и о том, что потерпевшие кораблекрушение не обретут покоя в воде и обречены на бесконечные странствия. Потому что люди вышли из земли и упокоиться должны в этой самой земле. Ночью можно услышать или даже увидеть тех, чьи тела поглотила морская пучина. Теперь их блуждающие души безмерно страдают, прикованные к месту своей гибели.

– Забиваешь ребенку голову страшными сказками, – ворчала экономка, – вот, пугать вздумал. Ты ей про Святую Мать и Младенца расскажи. Для христианской души-то оно лучше.

Петер соглашался. Он был крещен и ходил в церковь. Но при этом часть его сознания оставалась глубоко языческой, уходящей корнями в неведомое прошлое, о чем не говорилось в Библии. Это были сказания, передающиеся из уст в уста, легенды, возникающие не то от неумной людской фантазии, не то от невероятных чудес, пережитых когда-то.

Конечно, смотритель никогда не сомневался в церковных устоях: он бы не осмелился и предположить, что церковь ошибается насчет устройства мира. Просто на протяжении своей жизни он не раз сталкивался с необъяснимыми вещами, которые приходской священник назы-

вал одинаково – «дьявольскими проделками». Неясное внутреннее смущение, а также и уважение к Богу, страх перед ним не позволяли сомневаться, что все необъяснимое, скорее всего, результат деятельности коварного Люцифера.

Софии, по всей видимости, весьма приходились по вкусу отцовские рассказы. Возможно, она была еще мала, чтобы представить пугающие картины об утопленниках, морских ведьмах и чудовищах, или ей просто нравился тембр голоса рассказчика. Он и успокаивал, и завораживал, потому как девочка всегда внимательно слушала все, что отец ей говорил.

Едва научившись стоять на ногах, София следовала за ним по пятам всюду, куда бы он ни ходил по дому. Деметрий, чувствовавший исходящую неприязнь от отца и равнодушные матери, отвечал им взаимностью: они были ему безразличны. В детской он старался подблизиться к сестренке, играя с ней, или зачарованно наблюдал, когда отец брал ее на руки, чтобы прочесть книжку.

Мальчик также усвоил, что если Софию переодевают, а отец набрасывает куртку, то это значило длительное расставание. Для Деметрия даже минута, проведенная вдали от сестры, казалась мучительной. Он мог бы плакать, кричать, выражая свое негодование, но такого никогда не случалось.

Всю боль и одиночество своего сердца Деметрий скрывал с удивительной, несвойственной маленькому ребенку стойкостью.

Как-то в одну из редких минут, когда мать стояла с ним у окна, машинально поглаживая по волосам, Деметрий заметил, что отец направляется с Софией через маленький сад к берегу.

Стоило смотрителю забрать из комнаты дочь, Деметрий бросался к креслу, взбирался на него, опираясь ручонками на подоконник, чтобы оттуда следить за ними. Мог ждать часами, не покидая кресло, пока в поле зрения снова не попадал взрослый мужчина с ребенком.

Он не улыбался, не хлопал по стеклу ручкой от счастья, никак не проявляя своего восторга. Внешне ничто не выдавало его радости, но внутри все ликовало: отец поднимался по ступеням дома, подбрасывая вверх хохочущую Софию.

Казалось бы, мальчик должен был ревновать, страдать от недостатка родительской любви. Но на самом деле, Деметрий ощущал себя вполне счастливым только от того, что сестра находилась рядом. И когда отец уделял внимание Софии, практически не обращая внимания на сына, последнего вовсе не удручал этот факт. Девочка с удовольствием играла с братом, но в ней не было тех чувств, что возрастали в нем: ответственности и беспокойства за нее.

Глядя на сына, сидящего в углу комнаты с игрушками, смотритель клялся себе, что станет брать его на прогулку, как и дочь, но эти мысли проходили, стоило ему подойти поближе.

Тяжелый взгляд загнанного зверя не мог выразить того отношения, которое демонстрировал этот маленький человечек. Повзрослев и выйдя из возраста младенца, Деметрий все меньше походил на обычного ребенка. Внешне он таким и казался, но этот взгляд, это лицо...

Боже милосердный!

Порой у смотрителя бежали мурашки от ужаса, что это существо – его сын! – находится в одной комнате с его ангелочком, его обожаемой Софией. Иногда, особенно по вечерам, когда сумерки окутывали дом, сгущающиеся тени преображали лицо Деметрия до неузнаваемости, делая его похожим на демона.

– Ты не можешь говорить такое о своем сыне, – возмущалась Клара. – Мальчик и так растет, как сорняк, при живых-то родителях! Пожалел бы малютку. Хозяйка, и та с ним редко бывает, а все ж таки родная мать! Это ж надо такое придумать – демон!

– Ты присмотришься к нему, как он смотрит, как ведет себя, – огрызнулся смотритель. – Поймешь, что я не преувеличиваю. А ты можешь поклясться, что его не подкинули злые духи нам на погибель?

– Тьфу ты, – экономка всплеснула руками. – Да я своими глазами видела, как он из утробы выскочил! Мелешь спьяну!

– Нет, да ты посмотри, посмотри все же! – кипятился красный от гнева и раздражения смотритель. – Вот, опять так смотрит... Ой! Убьет нас всех.

И Петер осенял себя крестным знамением, а заодно и сына.

– Да что я, Деметрия не видела? Ну, немного мрачный, а как тут не быть мрачным, если любви к нему нет у отца с матерью? – Клара наклонялась к мальчику, вглядываясь в его лицо, но выражение его неизменно менялось на спокойное, даже открытое.

Ругаясь, она подхватывала его, чтобы унести покормить, и Деметрий, поворачиваясь к отцу, пока того не видела Клара, снова принимал свой прежний вид. Потрясенный смотритель беспомощно смотрел ему вслед, теряясь в догадках и подозрениях, что могло так настроить сына против него.

Как-то раз экономка заглянула в детскую, чтобы перед сном проверить, все ли в порядке, и обнаружила в постельке Софии спящего рядом Деметрия.

Он выбрался из своей кровати и теперь обнимал сестру за плечики, прижимаясь лбом к ее спине. Клара наклонилась над детьми и мягкий огонь горящей свечи осветил профиль мальчика. Во сне он чуть улыбался. Лицо его было безмятежным.

«Вот старый бессердечный дурак, – подумала про себя Клара, вспоминая хозяина, не отводя глаз от спящего Деметрия. – Такой чудесный малыш – и вдруг демон?! Надо забрать ключи от подвала, где ром стоит, и все тут».

Потом она перенесла мальчика назад в его кроватку и укрыла одеялом. Ребенок не проснулся, только схватил пальцами мягкого игрушечного льва, а она вышла в коридор на цыпочках, не забыв притворить за собой дверь.

Следующей ночью экономка также зашла к малышам, чтобы удостовериться, что все в порядке. И снова постель Деметрия была пуста.

Впрочем, обнаружить его не составило труда. Как и в предыдущий раз, он перебрался в кровать Софии и устроился рядом. Одна его нога свисала вниз, потому что места было мало, а девочка раскинула руки и спала на спине.

Оба они были прехорошенькие: пожилая женщина невольно залюбовалась детьми. Но затем подумала, что если хозяин узнает об этом незначительном происшествии, то случится беда. Поэтому, несмотря на болящую спину, подхватила спящего мальчика и снова, как и предыдущим вечером, отнесла в его постель.

В конце недели, то ли по забывчивости, то ли от усталости, Клара не заглянула в детскую. Она устроила уборку в доме, а после ужина, обойдя комнаты, отправилась посидеть у камина часок, там и задремала. Разбудил ее какой-то сумасшедший вопль, и спросонья она не сразу поняла, что случилось.

А случилось вот что.

Деметрий, дождавшись, когда в доме станет тихо и все уснут, вновь перебрался в постель к сестре. Когда в темноте пробирался через комнату, то умудрился разбить графин с водой, порезался об осколки, пытаясь их собрать, но не придавал этому значения и по своей привычке так и залез к Софии.

Спустя какое-то время смотритель зашел провести детей и так и замер на пороге с подсвечником в руке.

Яркий огонь осветил пустую кровать Деметрия, осколки стекла на полу, лужу воды впоремешку с кровью, а затем Петер разглядел леденящую душу картину.

Окровавленными руками брат обнимал сестру, устроившись на ее плече. Дети спали, но пронзительный крик разбудил их. София спросонья заплакала, а Петер, тем временем, бросился к Деметрию, ругаясь, на чем свет стоит, вытащил его из постели.

– Ах ты, выродок сатаны! Ты куда полез! Убить мою крошку вздумал??? Сейчас ты у меня получишь!

Трясушимися руками он ощупал плачущую Софию и убедился, что на ней нет ран. Но откуда тогда взялась кровь? Тут он вспомнил, что видел битые стекла на полу и обернулся к Деметрию, сидевшего в углу кровати и не сводившего с него горящего взгляда.

– Что ты смотришь, сатана? У, проклятый! Покажи руки!

Деметрий вытянул вперед ладони. На них были порезы, но видно, неглубокие. От ярости смотрителю стало трудно дышать. Он схватился за спинку кровати.

– Ты графин разбил??? – заорал Петер.

Деметрий кивнул.

– Ты чего к моей девочке забрался, а? Я тебя спрашиваю? Говори, а не то убью!!!

Мальчик насупился, глядя из-под нахмуренного лба на отца.

– Что молчишь??? Я тебе язык-то развяжу!

Смотритель принялся возиться с брючным ремнем, чтоб задать хорошую трепку сыну, но от злости, страха за дочь и длительного употребления рома его руки тряслись, и он никак не мог совладать с застежкой.

За этим занятием его и застала Клара, прибежавшая на истошные крики. Она всплеснула руками и бросилась к Деметрию.

– Ребенок в крови весь, не видишь, что ли? Ему раны надо промыть, а ты орешь как резаный!

– Отойди, ду-р-р-а! – язык смотрителя не подчинился ему. – Я ему сейчас устрою! Убью!

Экономка обернулась, заслоня собой мальчика и накинута на Петера.

– Совсем спятил!!! Ты кого убить собрался, дурия твоя башка! Сына родного? За что? Угомонись, старый черт! Судью позову, пускай решает! А мальчика калечить не дам. Ишь, придумал! Пьяница проклятый!

Мужчина выпучил глаза.

– Ты кого защищаешь??? Этого демона? Да я и тебя сейчас убью!

И в подтверждение своих слов он заревел и бросился к ним, тряся ремнем. Экономка запричитала, закрывая собой Деметрия, но тут произошла странная вещь.

Не пройдя и двух шагов, смотритель наткнулся на какое-то препятствие, будто с разбегу налетел на невидимую стену, отчего его отбросило назад с такой силой, что он очутился у самой двери.

Приоткрыв глаза, Клара с удивлением обнаружила, что хозяин валяется у входа. Когда он приподнялся, то от ярости у него не осталось и следа, одно только недоумение отражалось на его опухшем, красном лице.

– Что такое? – пробормотал он. – Как это я тут оказался?

Экономка и сама не могла ответить на этот вопрос. Она находилась в таком же недоумении.

В комнате находились только они вчетвером: двое взрослых и двое детей. София всхлипывала в своей кровати, а Деметрий находился у нее за спиной. Тогда кто оттолкнул хозяина?

Одна догадка закралась ей в голову, но она отмахнулась от нее, как от чего-то невообразимого.

Она взглянула на смотрителя, потом на Деметрия. Мальчик внешне был по-прежнему спокоен, но только очень бледен, и легкая дрожь сотрясала его худое тело.

– Погоди-ка, – произнесла она, – я сейчас принесу воды.

Не обращая внимания на бормочущего мужчину, который сидел на полу, ощупывая свои руки и ноги, она сходил за миской с водой, промыла раны Деметрия и перевязала их чистой тряпкой.

– Ложись спать, – велела она ему. – Только к сестре не ходи, ты понял? Отца я уведу.

Мальчик кивнул. Он сильно ослабел и теперь ему самому хотелось отдохнуть. Пережитое отняло у него много сил, и теперь он, потрясенный, стремился в лечебные объятия сна.

Наутро смотритель собрался и куда-то уехал, поругавшись с Кларой. Его не было два часа, а затем он вернулся, потирая руки, и заявил тоном, не терпящим возражений:

– Ну, собирай его. Поедет жить к тетке. Хватит с нас дьявольских проделок.

Новость о переезде Деметрий воспринял с тревогой. Как вынести разлуку с сестрой?

Что же ему теперь делать?

Когда отец пришел за ним, он сидел посреди детской, сжимая в кулачке любимую игрушку Софии и тихо что-то напевал себе под нос. Сама девочка стояла рядом с ним, гладила по волосам и утешала.

– Пора! – объявил смотритель.

Мальчик продолжал сидеть.

– Ты слышал меня, щенок?

Деметрий не шелохнулся.

– Задать бы тебе трепку, – заворчал Петер, – но старая ведьма права. Мал ты еще. Успеется.

Он прошелся по комнате, поглаживая усы пальцами.

– Довольно. Софиюшка, деточка, иди сюда. Твоему брату надо уехать, возможно, надолго: смотря как он себя вести станет. Да, Деметрий, что скажешь?

Губы мальчика затряслись, но он не проронил ни слезинки. Не плакал он и когда отец усадил его в повозку.

Мать не вышла проводить сына. Она спокойно восприняла новость о том, что Деметрий уедет жить к сестре мужа. Раз Петер говорит, что для детей так будет лучше, значит, так оно и есть. А пока она свяжет для него еще одно шерстяное одеяльце.

Глядя вслед удаляющейся повозке, экономка, стояла на крыльце с Софией на руках, качала головой и все думала про себя: что за силы вмещались в тот миг, когда пьяный Петер собирался ударить мальчика?

Дар или проклятие

Брата и сестру разлучили, но оказалось, что между ними существует куда более прочная связь, чем мог вообразить их отец. Хотя София всегда испытывала меньшую привязанность к брату, чем он к ней, и внешне ничем не показывала, что скучает, но теперь, когда он уехал, характер ее несколько изменился.

Порой она словно впадала в оцепенение, прислушиваясь к себе. Могла начать странно улыбаться, будто невидимый собеседник произносил нечто забавное.

Экономка заметила, что во время сна девочка могла что-то нашептывать, хмуря брови. Но что именно говорила малышка, она не могла разобрать.

В остальном это была прежняя София. Так же радостно встречала отца, была приветлива и не показывала тревоги или тоски.

Однажды экономка застала ее сидящей в самом углу комнаты. Клара окликнула ее, но девочка даже не повернулась. Клара тихонько подошла и присела рядом с ней. Глаза Софии ничего не выражали. Она смотрела в пустоту, машинально перебирая волосы куклы тонкими пальчиками. Губы чуть заметно шевелились.

Клара поинтересовалась, с кем та разговаривает, но девочка так и не ответила на вопрос. И только когда пожилая женщина легонько встряхнула ее за плечо, она застыла, заморгав, выпустила куклу из рук и, придя в себя, запрокинула личико наверх, широко улыбнулась. Это снова была ее София – ласковая и смеющаяся девочка. Экономка не знала, что и думать.

Отец не замечал изменений в дочкином поведении. Слишком уж он был рад, что отослал сына жить к сестре. Робкий голос совести, взывавший к нему, он игнорировал, оправдываясь тем, что мальчику будет лучше у тетки.

«Лишь бы не было какого греха...» – эта мысль не давала покоя смотрителю. Более всего на свете он страшился тяжкой провинности перед Господом и адского пламени. Будь его воля, он бы мальчишку отправил еще куда подальше, ведь пока дети растут неподалеку друг от друга, они и встретиться смогут.

Впрочем, дальнейшая их встреча стала неизбежностью. Хорошо это или плохо, можно будет судить из продолжения этой истории.

Первые недели разлуки с сестрой Деметрий бродил по чужому дому, заглядывая в окна и не обращал ни на кого внимания, даже на ласковый тон его тетки Агаты.

Она рано вышла замуж и рано овдовела. Собственными детьми небеса ее не наградили, а потому предложение Петера забрать мальчика она восприняла с радостью.

Агата не размышляла о том, что толкнуло ее брата отдать ей племянника, а сам он в подробности не вдавался. Из его невразумительной речи она сделала вывод: мальчик плохо влияет на сестренку и таким образом детям лучше какое-то время пожить раздельно друг от друга.

Но... Деметрий был просто чудо!

Женщина не могла налюбоваться им. Ее даже не смущали его длительное молчание и замкнутость. С одеждой он был весьма аккуратен, сам раздевался и одевался, не звал никого на помощь. Был тих и послушен, ел то, что ему предлагали, не капризничая. Мог просидеть у окна несколько часов или заняться какой-нибудь игрушкой в своей комнате, никого не тревожа и не надоедая взрослым по пустякам. Хотя Агата была бы даже рада, если бы этот чудный ребенок забрался к ней на колени с просьбой почитать книжку.

Она каждый вечер укладывала его спать, рассказывая сказки и волшебные истории, глядя по голове, а потом на цыпочках удалялась прочь, с нежностью глядя на спящего мальчика.

Истинный ангел. Оттого все невероятней казалась мысль, будто этот ребенок мог кого-нибудь обременять.

Иногда она замечала, как Деметрий сосредоточенно что-то шепчет, закрыв глаза. Агата напрягала слух, чтобы разобрать слова, но напрасно: или она стала слишком туга на ухо, или ребенок говорил на каком-то неизвестном ей языке.

«Что ты говоришь, деточка?» – спрашивала она, наклоняясь к мальчику. Деметрий открывал свои ясные чистые глаза, задумчиво глядя на тетку, и коротко отвечал: «Молюсь, дорогая тетушка. Молюсь». Затем смиренно склонял голову.

Она восторженно всплескивала руками, в умилении качала головой и повторяла: «Невероятный ребенок! Вот бы все дети были такими как ты, примерными и послушными».

Впрочем, это внешнее послушание длилось недолго.

Когда Деметрий окончательно понял, что его разлучили с сестрой намеренно, в его маленькой голове созрел простой план действий. И он вовсе не собирался плакать или причитать.

Из обрывков разговоров взрослых, исходя из собственных ощущений, он осознал, что отец поселил его у этой милой женщины – его тетки, чтобы он не смог видеть Софию. Но что плохого в том, что он так любит сестру?

Открытие это, впрочем, не озлобило его.

Деметрий решил поступать так, как хочется ему. Мозг его работал совсем не так, как у большинства сверстников. Казалось, он опережал их в развитии на несколько лет вперед. А еще казалось, что он не нуждается ни в чьей любви, утешении и понимании. В этом мире исключением была одна лишь София.

Мальчик с несвойственной ребенку его лет логикой разработал некий план действий, который позволял бы ему беспрепятственно покидать дом тетки. Она обожала племянника, а так как вел он себя безупречно, брала его всюду с собой на прогулки, к подругам или в церковь. Взрослые то и дело трепали за щеки мальчика, норовили обнять и воскликнуть: «Ах, что за чудесный и очаровательный малыш!».

Деметрий же сносил все это молча, с легкой улыбкой, которую можно было принять за смущение. Он старательно запоминал все, что слышал и видел вокруг, а вскоре его удивительная память и врожденный острый ум помогли ему добиться желаемого.

Осторожный и предусмотрительный от природы, Деметрий выжидал. Он хотел убедиться, что ему доверяют.

Мальчик выяснил, что дважды в неделю от рыночной площади, что была видна из окон дома его тетки, к маяку отправлялась повозка с продуктами. Происходило это обычно ранним утром. Агата вставала из постели часов в десять утра, а то и вовсе ближе к полудню, кроме воскресенья, когда они вместе ходили на церковную службу.

Этим вечером в доме были гости, дамы позволили себе перед ужином немного больше хереса, чем обычно. Деметрий давно подметил, что стоит тетке выпить этой резко пахнущей жидкости, которую он сам не переносил, то спать ей крепким сном вплоть до самого обеда.

Перед рассветом нагруженная товаром повозка покинула рыночную площадь и двинулась в сторону побережья. Лошадь бежала резво, извозчик пребывал в хорошем расположении духа, весело насвистывая одну и ту же мелодию, и спустя полчаса повозка остановилась у маяка.

Из дома вышла немолодая женщина в белом чепце и заговорила с извозчиком. Они не заметили, как один из мешков накренился, и быстрая тень мелькнула и пропала за оградой и кустами облепихи.

Расположение комнат в доме Деметрий знал наизусть.

Хотя он и не собирался на этот раз проникнуть в дом, он мог бы с закрытыми глазами найти детскую комнату, из которой его изгнали год назад. Мальчик не рассуждал о справедливости этого поступка, лишь воспринял как данность свершившееся. Самым важным было то, что солнце взойдет, сестра проснется в своей кровати и подойдет к окну, как она делала это раньше.

Он зажмурился и представил спящую, в облаке кудрявых волос, обнимающей тряпичную куклу с пуговицами вместо глаз.

Деметрий разжал губы и зашептал: «София. София. София...». Он был уверен, что раз уж она слышала его, пока он находился в доме у тетки, то услышит и сейчас, когда он совсем рядом с ней.

В спальне было тихо, только еле слышно тикали часы, но погруженная в глубокий сон девочка, внезапно села на кровати. На ее милом сонном личике появилась растерянность. Она словно почувствовала что-то родное и близкое, будто кто-то позвал ее.

Ее босые ступни коснулись прохладного пола. В дреме София подошла к высокому окну, отодвинула занавеску и неподвижно застыла. Веки ее дрогнули, а губы едва заметно шевелились. Подняв руку, она коснулась пальцами стекла, как раз там, где было ее отражение.

Непроницаемое лицо Деметрия осветилось легкой улыбкой. Зрачки расширились. Сестра услышала его зов.

Теперь, когда он удостоверился в том, что способен звать ее на расстоянии, Деметрий немного успокоился. Он понимал, что София неосознанно реагирует на его призыв, и что, скорее всего, днем она может и не вспомнит этого, но видеть ее, хотя бы издалека, стало смыслом его жизни.

Теперь день и вечер он проводил с теткой, как обычно, путешествуя с ней всюду, а ранним утром убегал из дома, чтобы видеться с сестрой таким необычным образом. Повозка была уже и не так нужна ему. Не чувствуя усталости, словно черпая силы в своей невероятной привязанности к сестре, он прибегал к дому у маяка, где она являлась ему в оконном проеме в длинной белой рубашке с распущенными волосами – прекрасное, любимое видение.

Когда Софии минуло девять лет, ей дозволили гулять рядом с маяком. Впрочем, строго-настрого запрещалось играть у обрыва и у самой воды, если рядом не было отца или няньки.

Деметрий же наслаждался относительной свободой. Он давно облазил здешние скалы и лес, побывал во всех уголках города и соседних деревеньках. Молчаливый, рассудительный, мальчик вызывал у тетки полное доверие.

«Какой умный ребенок!» – то и дело восхищалась она, обнаруживая у него то одну способность, то другую. Агата души не чаяла в племяннике. Женщина не скупилась на хороших учителей для своего крошки и негодовала на брата, который слышать ничего не хотел о сыне и о его значительных успехах в учебе.

«Бесовское все это, – говорил он, отмахиваясь от сестры. – Таких умных детей от Бога сроду не бывает. Мне лучше знать».

Ругая его про себя последними словами от досады, она перестала рассказывать Петеру об успехах Деметрия, убедившись в бесполезности своих доводов.

Деметрий ходил всюду, где ему заблагорассудится. Не имея возможности играть с сестрой, он наблюдал за ней издалека, скрываясь на ветвях деревьев или за пригорком. София, если и чувствовала влечение к изгнанному брату, никак этого не показывала. Любимыми ее занятиями были игры с куклами и прогулки у океана в сопровождении отца.

Смотритель, суровый и властный, с ней становился совершенно покладистым. Он сажал дочь на колени и, как всегда, потчевал рассказами о дальних странах, морских приключениях, быстрых кораблях и невиданных созданиях. Другой его излюбленной темой были наставления святых и неуклюжие попытки пересказать воскресные проповеди священника из маленькой церкви, стоявшей неподалеку от маяка. В его мозгу причудливо сочеталась вера в русалок и Пресвятую Деву, о чем он мог долго и пространно рассуждать.

Как-то раз, когда Петер отправился прогуляться с дочкой, он хлебнул рома больше, чем обычно, а от палящего солнца его сморило под развесистым дубом. Тем временем София рас-

чесала волосы двум своим куклам, угостила их пирожными, слепленными из глины и земли и села рядом с отцом, слушая его раскатистый храп.

Берег здесь плавно, но стремительно уходил вверх, поднимаясь словно огромный земляной вал, на верхушке и склонах которого росли деревья. Они дарили желанную прохладу и покой, но девочке не сиделось на месте. Ей пришлось в голову исследовать окрестности. София несколько раз тихонько окликнула отца, желая убедиться, что он крепко спит.

Океан шумел близко, а волны так искрились от солнечных лучей, что ей непременно захотелось поглядеть на берег со склона, а может даже спуститься вниз и набрать красивых раковин, обычно появлявшихся на песке после прилива.

Она знала, что отец запретил ей подходить к обрыву без него. Но разве она уже не большая? Разве не понимает, что это опасно? А потому очень осторожно подойдет посмотреть на океан с высоты, а потом отправится за раковинами. Отец будет спать еще не меньше часа, и она успеет вернуться.

Девочка посадила кукол рядом с отцом, велела им приглядывать за ним, а сама, жмурясь от ярких лучей, зашагала прочь от скрипящего дуба. Шляпку она оставила в траве рядом с куклами, но возвращаться за ней не хотела. Весна была в самом разгаре. Природа налилась свежей зеленью, а на полянах и близлежащих холмах расцвело множество чудесных цветов.

София нарвала их целую охапку и уселась чуть дальше от самого обрыва, чтобы сплести красивый венок. Она скинула чулочки и башмачки, позволив траве щекотать ей ножки, и наслаждалась удивительным видом, открывавшимся отсюда.

Океан, маяк и городок были как на ладони. Теплый ветер развеивал пряди каштановых волос, птицы в роще щебетали во весь голос, а океан нес свои прозрачные зеленые волны, с грохотом разбивая их о прибрежные камни.

Девочка чувствовала себя такой счастливой и такой свободной, что ей захотелось петь. Наконец-то она, как взрослая, сидит тут без чьего-либо присмотра и просто радуется жизни.

Пальчики ее проворно вплетали один цветок за другой, пока не получилась длинная цветочная косичка. София доплела веночек, и ей захотелось обвить его своей шелковой ленточкой, чтобы тот стал еще красивее. Она аккуратно распустила волосы, но тут сильный порыв ветра выхватил ленту из детских пальцев.

Узкая полоска шелка сверкнула в солнечных лучах красным отблеском и взвилась в воздух. Девочка с криком вскочила, пытаясь схватить ее, но ветер, играючи, стал уносить ленту.

Забыв об опасности, София побежала следом за ней, волосы хлестали ее по лицу, мешая видеть.

Что за наказание с этим ветром! Длинные волосы, будто змеи, обвили ее!

София кружилась на месте, стараясь высвободиться из внезапного плена, но ей это не удавалось. Какое-то время она пятилась, неловко перебирая ножками, а затем вдруг потеряла опору, всплеснула руками и с криком отчаяния полетела вниз с обрыва.

Смотритель не слышал горестного крика дочки. Он похрапывал, пребывая в сладких объятиях полуденного сна. Ему снились прекрасные морские нимфы, которые улыбались ему и танцевали, побрякивая нитками отборных жемчужин, каждая размером с добрый орех. Правда, после нимф ему приснилась сначала жена, а затем и старый священник, строго напominивший ему о грехе сладострастия.

Было от чего проснуться, осеняя себя крестным знаменiem. Охая и вздыхая, он огляделся.

Заметив брошенных кукол, Петер позвал дочь. Когда она не ответила, он обошел дерево кругом, под которым спал, а потом и всю рощу. Никто не отзывался. Только ветер стал дуть все яростнее, и было слышно, как бушующие волны набрасываются на берег, а чайки визгливо ругаются друг на друга, гоняясь за рыбой.

Мужчина ускорил шаг, приближаясь к обрыву.

Может, София пошла домой? Но тут он заметил веночек и примятую траву и похолодел. Все в нем так и обмерло.

Не в силах сдержать вопль ужаса, он подошел к самому краю и заглянул в зияющую пустоту, едва держась на ногах от налетающих порывов ветра. Жмурясь от слепящего солнца и отражавшихся от поверхности бурного океана солнечных лучей, он принялся вглядываться в бело-синие потоки воды и пены.

Судя по оголяющимся прибрежным камням, начался отлив. Малютку запросто могло сдуть отсюда, как травинку! Мысль была такой невыносимой, что зритель застонал, скрипя зубами.

«Мое дитя! О, мое непослушное дитя!»

Петер присел на колени и подполз к самому краю, борясь с подступающей тошнотой. Он боялся вовсе не высоты, а того, что мог увидеть там, внизу. И, заглянув за самый край, он закричал изо всех сил: «София!!! София!!!».

Словно услышав его, волны схлынули, обнажая камни, на которых сквозь пену морского прибоя он разглядел крохотное тельце, облепленное белой мокрой тканью платья.

Крик отчаяния, тоски и невыразимой муки разнесся над океаном.

Переполюшались и взлетели чайки, гнездившиеся в скалах. Едва он стих, как раздался второй. Закипая в человеческом горле, он нес в себе злость, горе и боль.

Зритель не помнил, как отполз от края обрыва. Чудовищная гримаса, исказившая его лицо, могла бы испугать любого смельчака.

Продолжая кричать, задышавшись, словно в агонии, он что было сил пытался устоять на ногах, хотя больше всего ему хотелось разбежаться и прыгнуть вниз в эту бездну и позволить камням внизу оборвать его жестокие страдания.

Спотыкаясь, ничего не видя от льющихся слез, он добрался к подножию скалы, где лежала София. Грохот океана заглушал его вой, а горло так саднило и горело, будто в него налили расплавленный свинец.

За утесом зритель увидел ее на мокром плоском камне, скорчившуюся, неподвижную. Петер рухнул на колени перед ней, трясущимися руками коснулся ее щеки, и вдруг... до него дошло, что на ее теле и голове нет крови.

Какое-то время он тупо смотрел на ее розовые щечки, а затем изумленно вздохнул, заметив, как на нежной тонкой шейке бьется ровный пульс. Вытаращив глаза, касался ее еще и еще, пока не осознал, что дочка жива.

Да, она была без сознания, но дышала. Была жива! Петер рассмеялся, закричал, но теперь от радости.

«Господи! Господи!» – благоговейный восторг накрыл его.

Невероятно! Упасть с такой высоты на камни и остаться живой и невредимой, без единой царапины!

Не веря своему счастью, повторяя то имя дочки, то восхваляя Бога, зритель осторожно осмотрел ребенка, целы ли кости. Но София просто спала или была в обмороке.

Петер подхватил дочку на руки, увязая в песке, осыпал отческими поцелуями ее личико, на дрожащих ногах побежал к маяку.

Агата сидела у камина, помешивая сахар в чае, то и дело задевая края фарфоровой чашки. Иногда она бросала быстрый взгляд на часы, недоумевая, куда мог запропасться ее милый племянник.

Было пятнадцать минут пятого, а он никогда не опаздывал к вечернему чаепитию, как и за все годы ни разу не опоздал ни к обеду, ни к ужину. Любимый им яблочный пирог, который пекли специально для Деметрия, остывал на блюде.

Служанка, за которой послала Агата, ответила, что видела мальчика в последний раз в полдень у ворот. Кажется, он отправлялся на прогулку.

«Что же могло так задержать моего крошку? – взволнованно думала женщина. – Разве что...»

Она вздохнула, и пальцы ее затряслись. С мальчиком могло случиться что-то нехорошее. Агата вскочила, расплескав чай. Ждать было выше ее сил. Она велела слугам искать Деметрия. Но им не пришлось идти слишком далеко.

Бледный, как сама смерть, ребенок появился в проеме входной двери, обвел присутствующих пустым взглядом, и рухнул, как подкошенный, к ногам обомлевшей тетки. Он ничего не видел и не слышал, а в этой навалившейся в него темноте было столько покоя, что он позволил поглотить ей себя без остатка.

Следующие три дня мальчика сотрясала жестокая лихорадка.

Его тело становилось то холодным, как лед, то горячим, как раскаленный металл. Тетка не отходила от постели больного и непрестанно молилась, не находя себе места от тревоги. Она всей душой привязалась к племяннику, полюбив, как родного сына. Иногда между мольбами к небесам она посылала проклятия своему жестокому и глупому братцу, не пожелавшего навестить больного мальчика.

Впрочем, как ей сообщили, маленькая сестренка Деметрия сильно простудилась, когда играла на берегу океана на холодных камнях. Зная, как Петер обожает дочь, было неудивительно, что он предпочел остаться рядом с ней.

Что касается мальчика, то врачи терялись в догадках о причине его болезни. Заболевание протекало бесконтрольно, сбивать жар или поднимать температуру тела не удавалось. Организм Деметрия самостоятельно то охлаждался, то разогревался. Попытки завернуть его в несколько одеял или растереть не приносили желаемых результатов. Его тело коченело и становилось буквально ледяным.

Если бы не прерывистое дыхание, можно было бы подумать, что мальчик расстался с жизнью. Спустя какое-то время температура стремительно взлетала, отчего можно было обжечься, касаясь больного ребенка.

По всем признакам он должен был умереть, к ужасу тетки, но врачи раз за разом констатировали необъяснимую жизнестойкость и силу ребенка.

Деметрий не приходил в сознание, но иногда выкрикивал бессвязные слова. Удавалось расслышать, как он произносит имя сестры.

«Бедный мой мальчик! – тетка так и заходила в рыданиях, глядя его по мокрым спутанным волосам. – Какой же твой отец бессердечный! Так обижать свою кровинушку!».

Причитания эти, впрочем, длились недолго. Добрая женщина понимала, что будь Петер поласковее с сыном, то она, Агата, была бы обречена встречать старость в одиночестве, в окружении слуг, среди дубовой мебели, уже тронутой жучком, и тяжелых пыльных портьер.

Да, она любила свой дом, драгоценный фарфоровый сервиз на двадцать пять персон, тяжелые серебряные четки и висевшие вдоль стен картины достойных художников. Весь дом с его богатым наследством она, не задумываясь, отдала бы в обмен на жизнь и здоровье дорогого Деметрия.

На исходе третьего дня, ближе к полуночи, дыхание мальчика стало ровным, температура тела приблизилась к обычной, а сам он открыл глаза.

Тетка стала звать врача и схватила маленькую теплую ладонь в свою руку, взволнованно спрашивая, как он себя чувствует. Деметрий неторопливо обвел взглядом спальню, помолчал еще с минуту, затем попросил воды.

Тетка немедленно исполнила его просьбу. Он жадно осушил один стакан, затем второй, третий, и, наконец, напившись, довольно вздохнул. Изумленная тетка терпеливо ждала, пока ребен-

нок напьется, погладила его по ручонке и принялась расспрашивать, что же с ним стряслось в тот злополучный день.

Деметрий молчал. Он не сводил темных глаз с ее лица, в них появилось какое-то новое выражение. Какое именно, Агата не могла понять, но этот новый взгляд смутил ее, будто это не она была старше его, а он прожил длинную, невероятную жизнь, полную тайн и приключений.

Ребенок перевел взгляд в потолок, произнес всего одну фразу «хочу спать», и ресницы его мягко коснулись щеки.

Тетка, счастливая тем, что болезнь отступила, на цыпочках вышла из комнаты, чтобы спуститься в сад, прогуляться и подышать свежим воздухом.

Что же с того, что мальчик странно смотрит? Просто малыш много перенес. Пусть отдыхает. Еще расскажет, что с ним приключилось.

Но прошла неделя, а Деметрий так и не дал вразумительного ответа на теткин распросы.

Она услышала, что, когда он был в лесу, ему внезапно стало очень нехорошо и он еле нашел в себе силы добраться назад домой. Мальчик помнил только это. При этом лицо его было столь чистым, светлым, а голос – ласковым, что тетке ничего не оставалось, как поверить ему.

«В самом деле, зачем малышу врать, ведь он так пострадал», – думала она.

Мальчику стало намного лучше, но тетка строго-настрого велела слугам не спускать с него глаз и не разрешать выходить ему за ворота, пока не окрепнет.

Деметрий понимал, что в данных обстоятельствах ему лучше подчиниться.

Как же София?

Все, что произошло в тот миг у обрыва, он отчетливо запомнил, и это не давало ему покоя.

Деметрий видел, как отец уснул под деревом, как сестра резвилась у обрыва, и наблюдал издали.

Пригорок у обрыва весь порос травой и кустарником, и Деметрий мог затаиться там, чтобы следить за играющей сестрой. Ему открывался вид на океан, прибрежные камни и крутой склон. Мгновение, когда сестра, подгоняемая ветром, запуталась в собственных волосах и бежала к самому краю, врезалось в его память.

Когда девочка занесла ногу над пропастью, и он понял, что сейчас она упадет, внутри него произошло нечто пугающее. Время словно остановилось, раскололось на части от сжавшего страха: любимый человек сейчас разобьется о камни, и он навсегда потеряет ее.

Повинуясь непонятному порыву, мальчик выбросил руки вперед по направлению к падающей сестре, и все в нем отозвалось такой дикой, мучительной болью, что он прикусил язык до крови.

Будто вся масса океана накрыла его с головой, не та, красивая и зеленая, что у поверхности, а та, что таится в самих его глубинах. Черная, беспросветная, неведомая. В этот миг появился другой Деметрий: незнакомый, раздираемый на части, дрожащий от неистовой силы, что пробудилась в нем.

Сквозь пелену своих мук он видел, как летевшая навстречу гибели сестра вдруг замедлила падение, и, словно паря над волной, медленно опустилась вниз.

Деметрий не понимал, что случилось. Не мог дать никакого разумного объяснения своим действиям и тому, что увидел. Впрочем, ему было сейчас не до этого.

Тело словно обьяло потоком беспощадного пламени. Невероятная боль потрясла его, как и новые ощущения, что родились в нем.

Как-то ему случилось обжечь пальцы огнем свечи, но тогда он сразу отдернул руку. Кожа сильно покраснела и болела долго, невзирая на то, что заботливая тетка смазывала ожог гусиным жиром три раза в день. Так вот этот ожог оказался совершенно незначительным пуся-

ком по сравнению с тем, что он испытал у обрыва. Мальчик хотел броситься к Софии, но в тело словно вонзилась разом сотня ножей, и, захрипев, он ничком рухнул в траву, хватая воздух ртом. Потом увидел отца, услышал его голос, полный тревоги, и понял, что тот ищет дочь.

Слишком потрясенный случившимся, ребенок едва нашел в себе силы, чтобы добраться к теткинemu дому. Самое главное: София была жива.

Когда он очнулся в уютной постели, первыми были мысли о сестре. Деметрий попытался почувствовать, что сейчас происходит с Софией, но оказалось, что не может этого сделать. Мальчик слишком ослаб, и лишь по разговорам вокруг стало ясно, что девочка простудилась и теперь выздоравливает.

Большого ему и желать не хотелось. Нужно было набираться сил, чтобы снова покинуть дом.

У тетки состоялся званый вечер с праздничным ужином. Понятное дело, гости за столом вовсю сплетничали. Деметрий сидел в уголке, неторопливо поглощая свой кусочек пирога, и слушал.

Оказывается, в прошлое воскресенье смотритель маяка пожертвовал крупную денежную сумму церкви и поклялся ничего крепче кофе не пить, призывая в свидетели Бога и людей.

– Вот уж, правда, чудо свершилось, – сказала одна кумушка другой. – Всем же известно, что Петер без бутылки рома день не начинается. Поглядим.

– Не выдержит, – подхватила другая. – Уверю вас, еще увидим его навеселе. Муж говорит, как бы и вовсе маяк не спалил, пьяница.

– Тсс, тише, – прервала ее первая женщина. – Все-таки он приходится родным братом нашей дорогой Агате.

– Вот уж, воистину, родственников не выбирают. А как вам история с бедняжкой Деметрием? Отослал мальчика прочь, как собачонку, и живет себе дальше.

– Верно, верно, – закивала ее собеседница. – Зато он души не чаёт в дочке. Для нее он хороший отец.

У Деметрия тем временем не дрогнул ни один мускул. Ему было все равно, что отец забыл о его существовании. Он ждал хоть каких-нибудь новостей о сестре, но, к своему разочарованию, о ней он больше не услышал ни слова. Все, о чем говорилось, он и так знал. Ни единого намека на загадочное происшествие.

Зато о нем самом тетка постоянно заводила разговор, а кумушки ей поддакивали, радуясь его аппетиту и здоровому цвету лица. О себе ему было слушать совсем не интересно.

Попросив разрешения пойти в свою комнату, он вежливо со всеми попрощался и отправился наверх. Только перед тем как закрыть дверь, попросил служанку не заходить к нему и не мешать, так как он очень утомился.

Деметрий, дождавшись, когда за дверью стихнут шаги, решительно переоделся, свернул подушку и одеяло на кровати таким образом, чтобы издалека этот сверток можно было бы принять за спящего человека. Затем открыл окно, перебрался по карнизу и ловко спустился в сад под ярко освещенными окнами, откуда доносились громкий смех и звуки фортепиано.

Как же долго он ждал!

В доме смотрителя маяка было, напротив, очень тихо. Петер сидел в гостиной, пыхтя трубкой. Его жена, как обычно, расположилась в кресле-качалке у окна с вязанием, а Клара убирала посуду со стола.

– Кофе-то налить?

– Нет. Хотя, погоди-ка. Отнеси мне его в кабинет. Хочу посидеть там немного. София уснула?

– Спит, как ангел небесный, – кивнула экономка. На ее изрезанном морщинами лице засветилась улыбка.

– Ну, и слава Богу!

Из трубки вырвался голубоватый дымок. Пахло табаком и кожей. Смотритель любил этот запах, как и запах рома, но теперь, когда он поклялся не брать в рот ни капли, ему придется довольствоваться трубкой и хорошим кофе.

С того самого дня, как он нашел Софию на камне, целехонькую, только промокшую насквозь от морской воды, он второй раз уверовал в Господа.

Петер смотрел на пляшущие в камине языки пламени. Воспоминания так и закружились в голове.

Девочка пришла в себя, когда он нес ее на руках и сначала даже расплакалась, но потом успокоилась и рассказала отцу, как заигралась у обрыва и упала вниз, но что-то подхватило ее, а потом она уже ничего не помнила. Только сильный шум прибоя, падение и холод морской воды.

– Боже, – причитал мужчина, – спасибо тебе! Ангелы твои подхватили мою девочку, не дали старому дураку с ума сойти от горя! Уж я отблагодарю тебя, Господи! И даю зарок тебе, не пить это пойло дьявольское, отнимающее рассудок у хороших людей!

Клара так и выпучила глаза, когда смотритель заявил, что отныне ром ему омерзителен, велел отдать все запасы в ближайший трактир, чтобы пили за здоровье Софиюшки и его самого.

– Сдурел, совсем сдурел!

– Радуйся, дура! – Петер так и покраснел от злости. – Больше не стану пить этот проклятый ром. Ты же этого хотела!

Экономка покачала головой с сомнением.

– Так-то оно так. Только диковинно мне это.

– Не твоего ума дело, – огрызнулся смотритель. – Делай, что говорят. Чтоб к вечеру ни одной бутылки в доме не осталось, от греха подальше.

В городе пошли слухи.

Кто-то даже предположил, что Петер спьяну пришиб кого-то, а теперь хочет замолить вину перед Богом. Впрочем, потом стало ясно, что всему причиной маленькая София. Будто она заболела тяжело, а вылечилась только после обета, данного отцом.

«Неужто я не буду благодарен Господу моему, что не отвернулся от меня в мой темный час?» – вопрошал себя смотритель, стараясь не отвлекаться на грохот последних бутылок с ромом, которые увозили помощники трактирщика, обрадованного столь щедрым подарком. «Главное, Софиюшка моя жива и здорова. Не устану восхвалять тебя, Боже, до самой смерти».

Трубку он стал теперь гораздо чаще набивать, что и говорить.

«Конечно, – оправдывался он, – и это дело бесовское, но так я хоть в ясной памяти пребываю».

Чтобы не увлекаться сладостными воспоминаниями об ароматной янтарной жидкости в толстой бутылке, Петер нашел себе новое занятие: начал мастерить игрушки из дерева для своей милой девочки. Так он мог сидеть подолгу в кабинете или на крыльце, покуривая трубку, ловко орудуя острым ножом.

У ног его частенько сидела сама София, перебирая вырезанные из липы игрушки, а затем, утомившись этим занятием, забиралась на колени к отцу с просьбой рассказать какую-нибудь историю или почитать сказку.

И он рассказывал. О добром ангеле, которого приставили из воинства небесного к маленькой девочке, чтобы заботиться о ней и оберегать от всяких бед. И как однажды дьявол заманил ее на высокую скалу, чтобы лишить жизни невинное создание и огорчить Господа. Но ангел, который находился рядом, вовремя разгадал дьявольские планы и заслонил девочку своими белыми и мягкими крыльями от беды.

– Чудесная сказка, папочка, – София вовсю улыбалась. – Расскажи еще.

Смотритель задумчиво держал в руке лошадку, срезая с нее опилку за опилкой.

– Вот и не верь в чудеса после этого, – говорил он и качал головой. – Увидеть бы этого ангела.

– Знаешь, папочка, – девочка посмотрела на кончики своих нарядных туфель, – а ведь ко мне приходит такой добрый ангел, весь в белом. Настоящий!

– Правда? Расскажи-ка мне. Какое у него лицо? – сказал отец, убежденный, что дочке снился сон.

София задумалась.

– Лица я не видела, оно находилось в тени. Но голос его был такой добрый, что я сразу поняла: это мой дорогой друг.

– Вот оно что, – произнес Петер. – Что же он говорил?

– Что любит меня и никогда не оставит. А когда он обнимал, мне было так спокойно, так легко, словно Божья благодать спустилась. Чудесно, да?

– Гм, и правда, чудесно, – пробормотал смотритель, озадаченный этим заявлением.

– И, знаешь, что самое удивительное, папочка?

Петер вопросительно посмотрел на Софию, подняв брови.

– Что же, моя хорошая?

– От этого ангела пахло луговыми травами и цветами, а еще чем-то очень знакомым и таким родным, что я сразу полюбила его. Такое чувство, будто я знала его всю жизнь.

Почему-то от этих слов смотрителю стало немного тревожно на душе. Он отложил игрушку, притянул девочку к себе и усадил на колени.

– И давно он к тебе приходит?

София чуть нахмурилась и принялась загибать пальчики, отсчитывая дни.

– Три... Восемь... Двенадцать... Кажется, не меньше четырех недель. А может и лет. Не могу сказать.

Девочка пожала плечами.

– Гм. А что же ты раньше не говорила?

– Это был наш маленький секрет. Ты ведь не сердишься?

– Нет, но...

Он замолчал, качая головой, пытаясь избавиться от возникшего неприятного чувства. С чего ему бояться сновидений?

– В следующий раз, когда он придет, попроси его выйти на свет и показать свое лицо. Если он посланец Господа, он тебе не откажет.

Случай на обрыве изменил ход семейной истории и перевернул жизни двух людей: отца и сына.

Первый стал спокойнее, второй – задумчивее. Отец, растревоженный, взволнованный новыми отческими чувствами, внезапно вспомнил, что у него есть и сын.

Смягчившись, он размышлял о том, что будь близнецы вместе, беда могла обойти их стороной. По рассказам Агаты, мальчик был очень воспитанный, смысленный и послушный.

Может, тогда ему показалось, что Деметрий подвержен влиянию злых сил? Скорее всего, это все алкогольный дурман так действовал на него, что он возненавидел бедного ребенка, а ведь невинное дитя вовсе того не заслуживало.

Сам же Деметрий не испытывал мук одиночества или отсутствия родительского тепла. Он был благодарен тетке за чуткость и нежность, но взамен не мог отплатить ей тем же. Все его чувства были связаны с одной Софией. Сейчас же, кроме мыслей о сестре, его взбудоражило открытие, которое он совершил в тот роковой миг.

Когда там, у обрыва он протянул к ней руки, он словно дотронулся до нее не только мысленно, но и физически. Будто его руки невероятным образом протянулись через расстояние

между ними, и он готов был поклясться, что ощутил тяжесть ее падающего тела, прикосновение к ткани ее платья под ладонями. Тогда, кроме бесконечного страха и ужаса за сестру, он пережил самую мучительную и острую боль за всю свою жизнь.

Думая над этим, Деметрий пришел к выводу, что если он смог сделать это однажды, то, скорее всего, сумеет повторить свой трюк снова, пусть даже ценой ужасной боли.

Он и забыл, что когда-то, будучи пятилетним ребенком, сумел остановить бросившегося на него пьяного отца. Тогда он был слишком мал, чтобы запомнить, но сейчас стал достаточно взрослым, чтобы осознать: такая сила – бесценный дар, которым необходимо научиться владеть в совершенстве.

Деметрий принялся экспериментировать.

Стоя в саду, он подбрасывал вверх яблоки, а потом пытался движением руки остановить летящие вниз фрукты. Закон гравитации был суров: яблоки падали вниз, не слушаясь мысленных команд ребенка.

За этим странным занятием его не раз заставляла тетка. Но она предположила, что мальчик хочет повторить фокус, который видел на рыночной площади, когда к ним в город заезжал бродячий цирк.

Тогда Деметрий не выказал никакого интереса к жонглерам и акробатам. Впрочем, ее обрадовало, что мальчик быстро поправился от лихорадки. Теперь она была готова позволить ему что угодно.

Вот уже который раз он получал увесистые удары по лицу от падающих яблок, но это обстоятельство не могло его остановить.

Деметрий недоумевал. Прошла неделя, но он не ощутил и намека на то, что случилось тогда. Не было той мощи, того взрыва, дикой бурлящей силы, что обожгла изнутри.

В чем же дело?

Может, нужно встать у воды под сенью деревьев? Или надеть ту самую одежду, что была на нем в тот день? Ничего не выходило. Яблоки не желали замедлять свое падение.

Неожиданные обстоятельства на какое-то время отвлекли его от проводимых опытов.

Однажды, спустившись в гостиную, он увидел там отца, державшего за руку Софию. Немного смущенно отец сказал, что это его родная сестра (будто он не знал!), что отныне они могут играть вместе и приходить друг к другу в гости, когда пожелают. Ведь, как-никак, дети являются единокровными.

Агата плакала от радости, а потом все уселись за стол обедать, только Деметрий почти не ел и не сводил глаз с сестры.

Смотритель пристально за ним наблюдал, но на этот раз не заметил ничего демонического в этом спокойном и почтительном мальчике, устыдившись дурных мыслей, из-за которых сестра с братом оказались разлучены.

«И верно, что я старый дурак, – думал он. – Детям-то лучше вместе, а не врозь».

Тетка, обожавшая племянника, несказанно обрадовалась этим внезапным переменам к лучшему. Никто не собирался разлучать ее с дорогим Деметрием. Дети могли жить и в доме у маяка, и здесь. Места хватит всем.

Ну, а Деметрий... Его маленькое сердце ликовало. Черты лица, такого красивого, но неизменно настороженного, будто он всегда ожидал некой опасности, теперь заметно смягчились.

Мечта сбылась. Сестра снова была рядом. Теперь можно не сбегать в утренних сумерках из дома, чтобы побыть с ней.

Он вновь обрел счастье.

В поисках ответов

Громко шипя, вот уже второй раз за это утро, кофе, бурля коричневой пеной, залил плиту.

Анна бросилась к турке и схватила ее, ругая себя за рассеянность. На мгновение, горячий металл обжег ей пальцы, но девушка не обратила на это внимание. Она была поглощена воспоминаниями об увиденном.

Это не походило ни на одно из сновидений, что являлись ей, как проблески. Напротив. Увиденное предстало перед ней длинным, ярким и очень подробным.

Как только она проснулась, глубоко потрясенная результатом, то немедленно схватила ручку и лист бумаги, затем второй, третий, пока не извела целую стопку. Успокоиться Анна смогла, только когда дописала последнее предложение и поставила точку.

Но была ли это точка в самом деле? Нет, нет. Анна вовсе так не думала. Это было только начало!

Никогда еще образы не представляли перед ней столь реальными. Она словно присутствовала в комнате, в которой жили брат с сестрой, слышала, как скрипят деревянные половицы дома и ставни, даже чувствовала запах крепкого табака, что курил смотритель маяка.

Никогда, даже в своих смелых фантазиях, она не могла представить, что можно увидеть столь явно историю других людей, живших когда-то давно!

У нее до сих пор оставалось стойкое ощущение, будто она не досмотрела увлекательный фильм. И это удручало. Анна взяла в руки игрушечную лошадку.

– Что ты можешь еще поведать? – спросила она шепотом. – Мне очень нужно это знать.

Мысли о детях, рожденных и еще не родившихся, роились в ее голове. Откуда-то взялась странная тоска, хотя повода к этому не возникало. Она думала о матерях, потерявших своих детей, о глупых случайностях, приносивших горе в семьи, о брошенных или забытых младенцах.

Анна выглянула в окно: мать срезала верхушки засохших цветов и стеблей, чтобы на следующий год их маленький садик мог снова радовать буйством красок. В доме в теплое время повсюду стояли живые цветы. Они создавали неповторимую атмосферу уюта, которую так любила девушка.

А еще уют создавали книги и кот Вереск. Котенком он появился на пороге их дома, заявив о себе пронзительным мяуканьем. Он кинулся Анне в руки, уткнулся в ее ладони холодным мокрым носом. Его шерстка была покрыта грязью, но после того как котенка вымыли в теплой мыльной воде, оказалось, что он дымчатого цвета.

С тех пор прошло несколько лет, и сейчас Вереск был полноправным хозяином дома, залезал, куда вздумается. Несмотря на внушительный вес, кот любил усесться повыше, наблюдая с довольным видом за тем, что происходит внизу.

Любил он лежать и на книжных полках, правда, места оставалось все меньше. Книги заполняли длинные ряды полок от потолка до пола.

Нужно было выбрать одну ради драгоценных минут покоя. Недолго думая, Анна подошла к стеллажу и извлекла оттуда книгу с готическими рассказами. Сейчас это было именно то, что ей нужно. Вереск, урча по своему обыкновению, наблюдал за действиями Анны, легонько помахивая хвостом.

Она уселась на крыльцо и открыла первую страницу. И хотя кофе был ароматный и вкусный, а книга – увлекательной, ее мысли неустанно возвращались к Деметрию и Софии.

Как только солнце скроется за горизонтом, она повторит ритуал в точности, как сделала это прошлой ночью.

Но как ни пыталась Анна выудить больше из игрушечной лошадки, ничего толком не вышло. Она просматривала одни и те же воспоминания за некоторым исключением.

– Что же мне делать? – эта мысль пульсировала в голове, не давая покоя.

Задумчивая, девушка брела вдоль кромки воды. Пенистые волны ласково шуршали, касаясь босых ног, а ветерок развеивал складки ее платья. Может, стоит попробовать другое зелье, способное ввести в более глубокий транс?

Она подняла камешек и швырнула его в океанские волны. Он подпрыгнул и исчез в зеленой пучине. Туда же последовал второй камешек, третий. Затем, Анна взяла в ладонь ракушку, повертела в руках и бросила в воду.

И тут ее осенило.

Двери «Лавки старых вещей» были широко распахнуты.

Теперь за стеклом витрины появились деревянные куклы, зеркало в тяжелой бронзовой раме, подсвечники и кресло. В самой лавке товар был заботливо расставлен, нагромождение коробок и пыль исчезли. В керамических вазах стояли живые цветы. Пахло ароматом молотого кофе.

Ее знакомый в своем неизменном фартуке возился за прилавком. Девушка направилась прямо к нему.

– Доброго дня! – поздоровалась она.

– И вам всего доброго. Желаете приобрести что-то красивое, изящное или полезное?

– Очень может быть. Вы помните эту лошадку? – спросила Анна, показывая игрушку старику. – Я купила ее здесь не так давно.

Он поправил очки и уставился на девушку. Анна решила ему помочь вспомнить.

– Я еще в обморок упала, и вы дали мне воды, – подсказала она.

Старик просиял.

– Ах, да! Прекрасная молодая девушка, моя первая покупательница.

– Рада, что помните меня.

– А то как же! Такая девушка и – хлоп! Обморок! Вот я испугался. Но знаете, вы принесли мне удачу. После вас покупатели идут один за другим.

И, словно в подтверждение этих слов, в лавку вошли две женщины.

– Чем же я могу помочь? Или, может, вы хотите составить свою коллекцию таких игрушек?

– Вы весьма близки к истине. Но мне нужны определенные вещи, которые могут быть связаны с этой игрушкой.

– Не совсем понимаю, – пожилой мужчина снова поправил очки, глядя на нее.

– Вы можете сказать, есть ли у вас вещи, которые вы покупали с этой лошадкой в том же месте?

Старик растерялся.

– Я должен подумать. Ведь наш товар в основном собирал мой сын.

– Да, да. Кажется, вы говорили.

– Именно. Филипп ведет учет всех своих приобретений. Он знает толк в торговле, как привлечь покупателей. Видите: цветы, полочки, кофе для тех, кто купил на определенную сумму, в качестве приятного подарка... Это все его идеи и его заслуга. Мы, и правда, неплохо продаем в этом месяце.

Девушка покрутила лошадку в руке.

– Скажите, а где ваш сын? Можно поговорить с ним?

– Конечно. Только он вышел ненадолго. Вы можете подождать?

Анна кивнула, и старик предложил ей одно из кресел.

– Благодарю. Лучше взгляну на другие вещи. Вдруг попадется то, что я ищу.

– Прошу! – старик обвел широким жестом лавку. – Магазин в вашем распоряжении. Вам помочь?

– Нет. Я лучше спокойно обойду здесь все и осмотрюсь.

– Тогда займусь другими покупателями, с вашего разрешения.

Анна набрала в грудь воздуха и внимательно посмотрела по сторонам. Предметов и вещей было много. В предыдущий раз шестое чувство не обмануло ее. Вот бы и в этот раз ее посетило видение.

Однако на этот раз ее ожидало разочарование. Она несколько раз, не торопясь, обошла лавку, надеясь, что вот-вот что-то произойдет. Несколько раз, правда, у нее возникало чувство волнения, но это было нечто совершенно иное.

Вещей из дома близнецов здесь больше не было. Лошадка случайно попала сюда. Или нет? Девушка задумалась: что, если судьба привела ее в «Лавку старых вещей»?

– Чем-то расстроены? – произнес приятный голос.

Анна вздрогнула. Перед ней стоял молодой мужчина со свертками в руках.

– Почему вы так решили?

– Иначе бы вы уже радовались покупке и наслаждались чашечкой чудесного напитка, сидя за тем столиком.

– Я бы очень хотела порадоваться покупке, но не нашла того, что мне нужно.

Мужчина изумился.

– Неужели? Вас не устроил наш ассортимент?

– Что вы! – Анна чуть улыбнулась. – Ассортимент огромный. И все же...

– Филипп!

Старик подошел ближе.

– Помогите нашей покупательнице. Ей нужна твоя помощь.

– О! – Филипп изобразил готовность. – Я к вашим услугам.

– Ваш отец сказал, что это вы приобрели все вещи, которые находятся в лавке.

Он кивнул.

– Если это так, может, вспомните это, – и Анна извлекла лошадку из сумки. – Я купила игрушку в вашей лавке, и мне очень важно узнать, как она к вам попала.

– Простите, как вас зовут? – спросил Филипп.

Девушка ответила.

– Рад знакомству. Уважаемая Анна, сразу скажу, что я могу помочь.

– Правда? – девушка обрадовалась.

– Безусловно. К счастью для вас, я педантичен до безобразия. У меня есть специальный журнал, в который я записываю все свои приобретения для продажи, где и когда они попали ко мне.

Анна рассмеялась.

– Это же просто великолепно!

– Если бы я знал, что это вызовет улыбку на вашем лице, то предложил бы сразу бухгалтерские книги.

– Извините, а когда я могу взглянуть на запись? – нетерпеливо спросила она. – Это очень важно для меня, – добавила девушка, видя его растущее удивление.

– Что же, – Филипп пожал плечами. – Присядьте, и я принесу журнал.

– Благодарю.

– Хотите кофе? – задал он вопрос. – За счет заведения!

– Нет, спасибо. Мне нужно увидеть журнал.

Филипп сдался.

– Хорошо. Бегу.

Анна устроилась в кресле, но ей было не до отдыха. Она чувствовала, что сейчас обязательно откроется что-то важное. Так просто она отсюда не уйдет. Стараясь унять сердцебиение, девушка глубоко вздохнула.

Из глубины лавки показался Филипп. Он нес толстую и большую книгу.

У Анны вырвался нервный смешок.

– Понимаю вашу реакцию, – Филипп не сдержал смеха. – Откройте желтую закладку. С нее начинаются все мои покупки из городка под названием Белый Маяк.

– Вот оно что.

Анна нахмурила брови.

– А ведь я где-то слышала это название.

– Не буду вас томить. Это на самом севере острова.

Девушка взяла книгу. Она была тяжелой.

– Вы изрядно постарались, – похвалила она, глядя на исписанные аккуратным почерком страницы.

– Спасибо, но это от занудства. Люблю порядок.

– Обычно я с подозрением отношусь к педантам, но вы меня покорили. Это как раз то, что мне нужно.

Она листала книгу. К каждому описанию прилагалась небольшая фотография или рисунок определенной вещи.

– Почерк достоин высшей отметки. Кажется, вы прирожденный архивариус, – заметила она.

Филипп расхохотался.

– Надеюсь, что нет.

– И рисуете довольно неплохо.

– Вы сейчас перехвалите меня, и я загоржусь.

– Вот оно!

Анна разгладила страницу, всматриваясь в ее содержимое.

«Игрушка для ребенка в виде лошадки, – начала читать она вслух. – Материал, вероятно, липа. Деревянная поверхность покрыта краской синего, желтого и красного цветов. На боках, хвосте и гриве краска частично облезла. Приобретена за малую плату в городке Белый Маяк северной части Тровоса у старьевщика. Примерное время изготовления – начало XX века».

– Значит ли это, – Анна подняла голову, оторвавшись от чтения, – что игрушку сделали там?

Филипп поджал губу.

– Совершенно не обязательно. Но вероятно.

Анна уставилась в книгу, затем снова на собеседника.

– Я знаю, что нужно! – воскликнула она. – У вас есть география острова? Энциклопедия с фотографиями?

– Нет, прямо здесь нет. Но тут рядом...

– Есть книжный магазин! – закончила мысль Анна и рассмеялась.

– Именно. Но скажите, что вы хотите найти?

– Ответ на мой вопрос.

Анна вскочила с кресла, возвращая журнал Филиппу.

– Вы уйдете просто так и оставите меня умирать от любопытства? – возмутился он.

Девушка замешкалась.

– Обещаю все рассказать! Если не решите, что я сумасшедшая.

– Обещаю так не думать. Если поверите, что я обожаю сумасшедших.

В книжном магазине, как и следовало ожидать, оказался целый раздел, посвященный острову, его истории, географии и традициям.

Анна просмотрела все книги, но в конце концов поиски ее увенчались успехом. Изданию, правда, было года четыре, но Анна решила, что этого вполне достаточно.

Книга рассказывала обо всех маяках, находящихся на Тровосе, и Анна сразу поняла, что искать следует именно здесь. Она открыла оглавление со списком прибрежных городов и дошла до буквы "Б". Название сразу бросилось ей в глаза. Замирая, она нашла нужную страницу.

Там была дана справочная информация, а также несколько цветных фотографий самого маяка и городка.

От волнения у нее перехватило дыхание и задрожали руки. Несколько минут она не могла оторвать глаз от фотографий, вглядываясь в них.

Когда девушка захлопнула книгу, сердце ее неистово колотилось.

Дома она быстро собрала вещи. В небольшой чемодан поместилось самое необходимое. Подумав немного, Анна упаковала и сверток с травами.

Кристина удивилась, узнав, что дочь уезжает.

– А что я скажу твоим посетителям?

– Меня не будет всего неделю. В любом случае я позвоню!

– Но что случилось? Ты меня пугаешь.

Анна обняла мать.

– Все хорошо. Правда! Мне нужно кое-что проверить. Это связано с моим видением.

Мать опустила на стул.

– Я могла бы догадаться.

– Только не волнуйся! Это безопасно.

Анна наклонилась и поцеловала Кристину в щеку.

– Когда ты так говоришь, я начинаю волноваться еще больше, – сокрушенно сказала та.

– Нет же, мам. Считай это небольшим отпуском.

Отпуск. А почему бы и нет?

Анна думала об этом, когда рано утром выезжала за пределы Скальной Гряды. Она точно заслужила пару дней передышки. Смена обстановки не повредит.

Девушка тщательно изучила маршрут. Дорога петляла вдоль берега. Предстояло наслаждаться прекрасными видами, шумом ветра и легкой музыкой. И почему она раньше не путешествовала?

В Скальной Гряде прошло ее детство и юность. Она любила этот городок и окрестные деревеньки на зеленых холмах в окружении густых лесов. Но мир чудесен и многообразен. И определенно стоит того, чтобы открывать его для себя. От такой мысли становилось радостно на душе.

На лобовом стекле появились маленькие капли.

Дождь!

Анна приоткрыла окна, вдыхая запах озона. Кажется, надвигалась гроза. Тучи клубились прямо над ней. Капель на оконном стекле стало гораздо больше. Шорох капель успокаивал. Девушка любила дождь. Он всегда приносил свежесть и аромат мокрой листвы.

Перед поездкой она нашла номер телефона «Лавки старых вещей» и позвонила Филиппу. Оказалось, он уже навел справки о ней.

– А вы, значит, местная знаменитость, – произнес он с уважением. – Почему сразу не признались?

– Что мне нужно было сделать? – Анна рассмеялась.

– Хотя бы погадать мне по руке и сказать, будет ли мое предприятие успешным.

– Я это вам и так скажу.

– Только не расстраивайте меня.

– Филипп, мое призвание – утешать людей, а не расстраивать.

Он вздохнул.

– Жаль, что вы уехали так внезапно и мы не поговорили толком. Я еще никогда не видел настоящую прорицательницу.

– Знаете, не так-то просто быть ею. Но я себе другой участи не желаю.

Они помолчали немного.

– Все из-за этой лошадки, да?

– В том числе.

– Это какая-то реликвия? Семейная ценность?

Анна вздохнула.

– Вероятно. Я надеюсь выяснить больше и увидеть все собственными глазами.

– Где собираетесь остановиться?

– Я не бронировала отель. Не думаю, что с этим возникнут проблемы.

– Позвоните мне обязательно. Кажется, я всерьез заинтригован.

Девушка не стала уточнять, чем именно.

– Договорились.

– Буду ждать вашего звонка.

И она обязательно позвонит ему. В свое время.

Белый Маяк

Белый Маяк пленил ее с первого взгляда.

Здесь все радовало глаз: утопающие в пышной зелени дома и церквушки, извилистые улочки, убегающие куда-то вглубь, аккуратно уложенная голубоватая брусчатка, обилие цветов в глиняных вазах на подоконниках и тротуарах. Осень уже тронула своим прикосновением листву, но воздух все еще оставался теплым.

На каждом шагу встречались отели, маленькие и большие, но непременно аккуратные и чистые. Один из них Анна и выбрала.

Она наскоро приняла душ, надела платье, которое купила еще в прошлом году, и спустилась в холл. На стойке регистрации лежало несколько путеводителей.

На каждом из них изображались белые маяки. Один приземистый, с большими окнами, а второй более высокий и со смотровой площадкой на самом верху.

– Извините, – обратилась она к девушке за стойкой. – Я думала, в городе есть всего один маяк.

– О, все верно, – отозвалась та. – Другой построили всего три года назад, на замену тому, в котором сейчас музей. Рекомендую его посмотреть. Все наши туристы приезжают из-за него. Все-таки необычная история, согласитесь?

Анна сделала заинтересованный вид.

– У нас тут бытует легенда об одном темном колдуне. Он жил когда-то в доме у маяка и занимался черной магией. Туристы любят историю, благодаря которой наш город стал популярным.

– Вот как? И, правда, очень интересно. А как мне лучше добраться туда?

– Вы ведь приехали на машине?

Анна кивнула.

– Найти старый маяк легко. Выезжайте с парковки на Главную улицу, потом направо и прямо, не сворачивая. Дорога приведет вас к океану.

Так и вышло. Отыскать дорогу к местной достопримечательности оказалось просто. На фоне голубого неба и синей воды маяки так и сияли на солнце.

«Как брат и сестра», – подумалось Анне.

И ее внезапно ранила мысль о том, что маленький мальчик, превратившись в отшельника и колдуна, стал теперь приманкой для приезжих.

Что же с ним стало? Как так получается, что дети, взрослея, вырастают из хорошеньких розовощеких ангелочков в кровожадных монстров?

Она оставила машину у подножия скалы. К маякам вела пологая естественная насыпь, вся зеленая от густой и подстриженной травы. Наверху Анна увидела белый деревянный дом в два этажа под красной крышей. Его окружал небольшой садик и цветник.

Анна узнала эти очертания еще издалека. Все казалось пронзительно родным.

«Я же была здесь!» – так и хотелось ей закричать людям вокруг. «Я знаю тех, кто здесь жил! У вас нет права быть тут».

Но промолчала, ясное дело, устыдившись своего порыва. Она такая же гостя, как и они. И глупо думать, что она имеет право претендовать хотя бы на часть жизни, связанной с близнецами. Лишь увидела больше, чем позволено другим.

Девушка поднялась на вершину холма. Налетающий ветер с океана приносил свежесть морской воды, мелкую водяную пыль и запах соли. Вздвигающиеся волны с грохотом разбивались где-то внизу, и Анне захотелось непременно заглянуть туда с обрыва.

Вид со скалы открывался такой, что дух захватывало.

Бурлящий сине-зеленый водоворот гипнотическим образом манил к себе. Лавина несущихся волн, брызжа пеной, обрушивалась на скалы и камни с такой силой, что, казалось, еще немного, и вода разрушит твердыню земли, поглотив ее в своей пучине. Но скала по-прежнему твердо стояла на своем месте. Сражение двух стихий длилось веками, и, кто победит в этой войне, было неясно.

Но кроме созерцания этой необъятной красоты, Анну не переставала будоражить мысль о том, что когда-то ходившие по этой земле люди, теперь лежат в могилах. Это было так странно.

Для нее они словно еще были живы. Для нее они еще дышали, любили и ненавидели. Ведь она буквально видела их так близко, что могла бы коснуться рукой. Конечно, они бы не почувствовали этого и не узнали, что девушка бесцеремонным образом вторгается в их жизнь.

Это те самые люди, воспоминания о которых дают жизнь этому городу. И она обязательно продолжит писать свой рассказ о них.

«Мы допишем его вместе, вы и я».

Анна приблизилась к порогу дома, и знакомое чувство всколыхнулось внутри. Она тут же покрылась испариной, а от внезапной мучительной жажды захотелось выпить холодной воды.

Реальность, в которой присутствовала Анна, словно раздвоилась. Будто у нее появилось двойное зрение и теперь она наблюдала за тем, что происходит сейчас и тут же, словно через тонкое стекло, видела жизнь людей, что стали уже историей.

Анна обошла одну из туристических групп и поднялась на крыльцо дома, чтобы купить билет.

– Что с тобой, милая? – участливо поинтересовалась полная дама в желтой шляпке, сидевшая за кассой. – На тебе лица нет. Плохо что ли?

Анна медленно перевела на нее взгляд, пытаясь сфокусироваться.

– Да, – произнесла она с трудом. – Не позавтракала толком. Голова болит с утра.

– У нас аптечка есть, если нужно. Посмотреть обезболивающее?

Анна покачала головой.

– Благодарю. Сейчас станет лучше.

Женщина поджала губы:

– Конечно, дело твое. Смотри только, не упади в обморок.

Анна промолчала.

– Хотите, чтобы вас сопровождал экскурсовод?

– Пожалуй, да, спасибо.

Дама вручила ей билет, пару буклетов и попросила присесть в холле на один из диванчиков.

Перешагнув порог дома, Анна осмотрелась.

– Ну, здравствуй, – шепнула она в полумрак благоговейно.

У нее возникло чувство, что она сама жила здесь когда-то и теперь вернулась спустя много лет. Трепет и смятение охватили ее. Она видела гораздо больше, чем казалось на первый взгляд.

Невольно сравнивала видения прошлого с тем, как выглядел дом сейчас.

На том же месте стоял резной шкаф, изъеденный древесным жучком, но вместо деревянных стульев теперь были диваны. Бронзовая люстра под потолком блестела, но вместо свечей горели лампочки. Картины исчезли со стен. Вместо них повсюду висели фотографии маяка, дома и тех, кто когда-то здесь жил.

Анна приблизилась к одной из черно-белых фотографий. На нее смотрели грузный мужчина и девочка-подросток.

Смотритель маяка и София! А вот еще несколько снимков Деметрия и его сестры: верхом на лошадях, на берегу океана, в фотоателье. Анна поднесла ладонь к губам, чтоб удержаться от крика, так ее взволновали эти лица на выцветшей от времени бумаге.

Кто-то рядом с ней кашлянул.

– Увлекательно, правда?

Голос грубоватый, но дружелюбный. Анна обернулась и увидела пожилого мужчину в матросской кепке, шарфе и черном костюме. Густые, чуть подкрученные усы придавали ему заливчатый вид.

– Доброго дня, вы Анна?

Она кивнула и поздоровалась.

– Энцо, к вашим услугам, – старик шевельнул усами. – И я с радостью поведаю вам о тайнах этого злосчастного дома.

Анна притворилась, что не понимает, о чем идет речь.

– Как, – удивился старик. – Вы ничего не слышали о легенде?

– Боюсь, что так. Я тут проездом, и мне нужно скоротать время.

– Это и к лучшему! Ваше время в надежных руках. Прощу за мной.

Под ногами закрипели половицы. Интересно, они издавали такие же звуки когда-то? А вот и небольшое пространство под лестницей. Сейчас оно освещено, и там стоит раскидистый фикус, а когда-то близнецы прятались там от старой экономки. Кажется, что звонкий смех Софии до сих пор отголоском проносится по этим коридорам.

Анна с интересом слушала экскурсовода, кивая.

Она узнала, что первые поселенцы появились на Тровосе еще в XI веке нашей эры. Основным промыслом были рыболовство и охота. Сельским хозяйством занимались преимущественно жители центральной части острова, так как почва позволяла ее возделывать. Вдоль береговой линии шли скалы, которые защищали остров от налетов разбойничьих судов. В более уязвимых местах были возведены заграждения.

Маяки вдоль берега перестраивали множество раз. Первые зажигали как факелы. Пламя поддерживали круглосуточно, особенно в плохую погоду, используя огромное количество дров, масла и угля. Работа смотрителя была тяжелой, но почетной. Стало куда проще в конце XIX века с изобретением особых линз, позволявших направлять и фокусировать свет.

– Скажите, известны ли имена всех смотрителей этого маяка?

Энцо покачал головой.

– У нас, к сожалению, есть записи о смотрителях, которые жили и работали здесь с 1874 года. Пожары не щадят историю, знаете ли.

– Понимаю. А чьи снимки висят повсюду в доме?

– О, нам удалось собрать архивные данные и фотографии последних пяти смотрителей и их семей. И самая интересная история связана со смотрителем Петером и его детьми. Это благодаря им маяк и дом отреставрировали и превратили в музей. Представляете, какая удача? – хохотнул экскурсовод. – Идемте же дальше, и вы все узнаете.

На первом этаже они осмотрели несколько комнат, в том числе столовую и даже спустились в подвал.

– Здесь смотритель держал свои бутылки и бочонки с ромом. Мы тоже следуем этой доброй традиции и храним тут вино для ресторана. Рекомендую посетить наши званые вечера. Стейк из телятины отменный.

Картинки в голове Анны словно накладывались друг на друга. Она заметила, что в углу гостиной не хватало кресла-качалки. Когда-то в нем долгие часы коротала мать близнецов перед тем, как отправиться в мир иной. Бедняжка сыграла свою роль: вышла замуж за грубоватого смотрителя маяка и подарила жизнь Деметрию и Софии.

– Огонь зажигаете? – спросила Анна, показывая на печь, сложенную из серых камней.

– Конечно. Когда собираются гости за ужином, так непременно. Очень приятно, знаете ли, посидеть у огня, слушая, как трещат поленья, как звучит дружеская непринужденная беседа под хорошее красное вино. Согласны?

Анна согласилась. Те мгновения, когда она вместе с родителями сидела вместе у камина, давно прошли.

Они вышли в холл, чтобы по узкой лестнице подняться на второй этаж. Со всех сторон на них смотрели лица: задорные и серьезные, испещренные морщинами, зрелые и совсем еще юные. Каждый из них мог бы поведать о себе. Каждая из историй была бы достойна внимания слушателей.

Второй этаж занимали жилые комнаты экономки и смотрителя. Была там и детская.

Анна с замиранием сердца переступила ее порог и увидела, что здесь все изменилось. Кровать стояла под пологом. На покрывале сидел плюшевый медведь явно современного происхождения. Такими же были и коврики на полу, и игрушки, и стулья с атласными подушками.

– Знаете, – осторожно произнесла Анна, – такое ощущение, будто в этой комнате не осталось практически ничего, что принадлежало жильцам.

Экскурсовод не стал отпираться.

– Да, от вашего пристального взгляда ничего не ускользает. Вы правы, не стану обманывать. Единственная вещь, которая сохранилась от прежних жильцов и, как мы думаем, была в доме еще в ту пору, когда тут жили близнецы, это щетка для волос и шкафчик у окна. Если присмотритесь к зеркальному столику, то увидите на полочке ту самую щетку.

– Вот как...

Анна так и впиалась взглядом туда, где лежала щетка. Она представила, как изящная женская рука берет щетку и подносит ее к волосам.

– Здесь была детская комната, и в ней жила София. Конечно, позже здесь проживали и другие смотрители, с семьями и без, но так как наша экспозиция в большей степени посвящена семье Петера, то мы решили воссоздать частично саму детскую такой, какой она была тогда.

На лице девушки отразилось сомнение. Ей хотелось сказать, что обстановка совсем не та, но она промолчала. Она не была готова раскрывать свой интерес.

– Хотите что-то добавить? – поинтересовался Энцо. – Если нет, то следуйте за мной. Покажу нечто совершенно особенное.

Они миновали одну закрытую дверь и остановились в проеме следующей комнаты. Старик с видом заговорщика взмахнул руками.

– Вот и она! Святая святых! Попробуйте угадать, кто проводил здесь множество ночей?

Этой комнаты Анна не видела в своем сне. Должно быть, ее обставили позже. И тут она затаила дыхание, почувствовав знакомый жар и гулкую пульсацию во всем теле. Прямо перед ней возник силуэт юноши в дневном свете. Он сидел спиной к ней и что-то записывал в записную книжку. Затем он отложил ручку и оглянулся. Его лицо осветила улыбка. Он хотел что-то сказать, но тут все померкло: видение исчезло.

Девушка потрясенно смотрела на пустой стул и разложенные на столе предметы. Комната была снова необитаема.

– Деметрий! – имя одного из близнецов невольно сорвалось с ее губ.

– Что, простите? – экскурсовод поправил очки. – Вы сказали «Деметрий»? И вы совершенно правы, вот это да! Обратите внимание...

Он хохотнул и принялся описывать комнату, жестикулируя и увлекаясь рассказом все больше.

Девушка старательно пыталась слушать его, глядя на высокие стеллажи. На полках громоздились банки и пузыри, колбы всех размеров, трубки и шланги. С потолка свешивались чучело совы и летучей мыши. В одном углу стояло небольшое бюро с письменными принадлежностями, а в другом – узкая кровать. Керосиновая лампа и бронзовый подсвечник, потемневшие от времени, украшали подоконник.

– А теперь взгляните туда, в самый угол комнаты, уважаемая Анна.

На стене висела фотография молодого человека с взъерошенными короткими волосами. Рукава его светлой рубашки были закатаны до локтя, обнажая худощавые руки. На нем был кожаный фартук в пятнах и разводах, вероятно, от химических веществ. Девушка узнала его сразу, хотя видела только маленьким мальчиком.

– Представляю вашему вниманию главного героя нашей программы, – торжественно произнес Энцо. – Деметрий собственной персоной, наш темный маг и чародей. И поверьте: большая часть этих вещей принадлежала именно ему – властителю дум и грез доброй половины женского населения Белого Маяка.

– Как? – вырвалось у нее. – Нет, не может быть.

Экскурсовод неверно истолковал ее восклицание.

– О, да. Этот милый паренек на фото с грустными глазами никак не вяжется с образом чудовища, верно?

Анна не стала его разубеждать, хотя думала иначе.

– Вы правы.

Она закусила дрожащую губу. Энцо продолжил:

– А ведь так и не скажешь, что он водился с дьяволом? Насколько же обманчивой способна быть внешность. Он так похож на молодого ученого, который еще горит жадой открытий и мечтает о том, чтобы спасти мир. Но только наш Деметрий вовсе не спасал мир. Он ввергал его в хаос и смятение.

– Вы сказали, что он был властителем дум женской половины Белого Маяка.

– Именно. Но я имел в виду несколько иное.

– Поясните, пожалуйста.

– Охотно. Думаю, что женщины находили его привлекательным. Многие искали у Деметрия, скажем так, покровительства. Они рассказывали ему свои секреты. Судя по всему, наш Деметрий получил превосходное медицинское образование, хотя подтверждения этому не нашли. Надо сказать, у него неплохо получалось совмещать профессию психолога, врача и священника. Он знал все и обо всех в этом городке. Некоторые мужчины, говорят, тоже приходили к нему тайно. Простого врача стали называть Черным колдуном. К нему бежали, когда не было никакой надежды.

– Но с чего вы взяли, что он был колдуном? Может, он лишь опережал свое время в развитии и знаниях?

– Э-э-э, нет. Не все так просто. Слухи не рождаются на пустом месте, поверьте мне. То, что делал Деметрий, явно выходило за рамки любой научной деятельности. Говорили, что он читает мысли, двигает предметы и даже летает.

Анна фыркнула.

– Даже если и так. Науке известны феномены левитации и телекинеза. Посмотрите только на индийских йогов! О них говорят, что они способны голодать годами, задерживать дыхание, жить под землей, воспарять над поверхностью вопреки законам гравитации. Разве не так?

Энцо внимательно посмотрел на Анну и понял, что ему досталась довольно въедливая посетительница.

– А воскрешать людей из мертвых йоги тоже могут? – поинтересовался он.

Анна запнулась.

– Нет. А что, Деметрий воскрешал мертвецов?

Экскурсовод театрально вздохнул, сложив руки на животе.

– Представьте себе. И я сейчас вовсе не смеюсь над вами. Поверьте, я довольно детально подошел к изучению прошлого Белого Маяка, а уж эту историю с темным магом знаю неплохо. Я нашел немало свидетельств тому, как всякие бедные дурочки, потеряв надежду, искали ее у Деметрия.

– И что же – находили?

– Именно. К нему шли за любовными зельями, за порчей для соперницы, за настойками, возвращающими молодость и красоту. Все это Деметрий давал и никому не отказывал. Его боялись, понятное дело, но камнями никто в него не швырял. До одного дня.

Анна замерла.

– Какого именно?

Энцо сощурился.

– Запаситесь терпением. Я поведаю вам легенду, какой ее передают из уст в уста в наших краях.

Он кашлянул, сложил руки на груди и, приняв задумчиво-театральный вид, начал:

– На высокой скале одного острова стоял маяк. Год за годом его спасительные огни направляли корабли. Бурные волны, хотя и подтачивали понемногу крепкую скалу, но справиться с ней не могли.

Однажды, когда старый смотритель маяка умер, там поселился юноша. Был он хорош собой, но сердце и душа его служили темным силам. Юноша этот прослыл черным магом и заклинателем. Он мог уговорить бурю стихнуть, а дождю приказать остановиться. Маяк, который нес свет, стал мрачным прибежищем колдовства. Под покровом ночи к юноше шли люди, чтобы тайно просить о помощи. Маг никому не отказывал, но за свои услуги брал страшную плату. Доведенные до отчаяния, люди отдавали все, что угодно. Заклинатель совершал самые сильные заклятия на крови, и снять их никто бы не смог.

У юноши была сестра, красивая и лучезарная. Словно солнце, согревала она людей своим присутствием. У нее было трое детей, которых она очень любила. Как-то раз дети поздним вечером заигрались и забрались на маяк. Их мать не могла их дожидаться дома и отправилась на поиски. Материнское сердце привело ее к высокой скале. Громко крича и зовя детей по имени, молодая женщина поднялась по винтовой лестнице на самый верх маяка. Ночь была темной и безлунной, но там горело множество свечей, освещавших путь. Там, под крышей маяка, среди колб и нагромождений странных предметов, за столом восседал ее брат.

– Что привело тебя в столь поздний час? – спросил он.

– Я ищу своих детей.

Брат нахмурился.

– Их здесь нет.

Она оглянулась. Он говорил правду. Детей нигде не было видно.

С тяжелым сердцем она стала спускаться вниз по лестнице. Вдруг на одной из ступенек что-то блеснуло. Холодея, женщина наклонилась и подняла маленький серебряный медальон-амулет. Он принадлежал одному из ее детей. Отбросив все страхи, она снова поднялась наверх.

– Ты обманул меня! – сказала она, не помня себя от гнева, и подняла руку с медальном. – Мои дети были здесь. Вот доказательство.

Юноша побледнел.

– Я сказал правду. Их здесь нет.

– Но они тут были!

Голос ее дрожал.

– Прошу тебя, скажи, где они.

Он поднял на нее глаза, и они сумрачно блеснули.

– Дети не должны были оказаться здесь. Они видели то, чего им нельзя видеть. Духи решили, что им нельзя оставаться среди живых.

Сестра испустила такой крик отчаяния, что содрогнулся маяк. Потрясенная, вся в слезах, она смотрела на него и думала, что он сошел с ума. А затем...

Тут Энцо снова сделал эффектную паузу.

– Представьте себе, ее, как и детей, убил собственный брат, так как был одержим дьяволом. Не очень радостная история, правда?

Старик усмехнулся.

Анна посмотрела на экскурсовода, начиная что-то понимать, хотя все в ней протестовало против этого.

Разлученные дети.

Отчаяние брата и тоска по любимой сестре.

Воспоминания так и закружились у нее в голове. Она думала о тайнах прошлого, невольным свидетелем которого стала.

Неужели Деметрий был таким?

Какая-то невероятная грусть охватила ее. Образ обаятельного юноши стоял у нее перед глазами. Видение было столь ярким и реальным, что она могла бы нарисовать его по памяти.

– Здесь он занимался колдовством?

– Не только. У нас есть подозрение, что и в подвале дома также имелась лаборатория, но ничего оттуда не уцелело.

– Конечно, я понимаю. Но позвольте, что случилось на самом деле? Есть какие-то документальные подтверждения случившемуся?

Тот усмехнулся.

– Одну минутку.

Он подошел к одному из стеллажей и снял книгу.

– Это вам пригодится, я думаю. Только оплатите внизу на кассе.

Анна взяла книгу. На обложке крупными буквами было написано: «История и мифы Белого Маяка». Она подняла брови.

– Мифы?

Старик улыбнулся себе в усы.

– Иногда в этих сказках больше правды, чем на самом деле. А как, по вашему, появляются легенды?

Анна пожала плечами.

– Народная фантазия?

– Иногда то, что кажется фантазией, и есть истина.

Анна перевела взгляд на книгу. Кому, как не ей, стоило бы поверить этим туманным словам старика-экскурсовода. Она видела такое, что любой обычный человек назовет бредом сумасшедшего или, в лучшем случае, вымыслом.

Чтобы докопаться до правды, ей нужны вещи, принадлежавшие семье смотрителя маяка. Без них ее образы туманны и обрывочны.

– Деметрий и София родились и жили здесь, в доме у маяка. Этому есть подтверждение в виде записей в церковной книге. Я сам видел их, когда узнавал кое-какие детали. А еще есть и другие.

Анна поправила прядь волос, упавшую ей на лицо.

– Какие же?

Старик прокашлялся прежде, чем ответить на вопрос.

– Порывшись в местных архивах, мне удалось найти две копии свидетельства о смерти, а также некоторые журналы, в которых описываются сами обстоятельства смерти. Так вот, одно из свидетельств было выписано на известное вам женское имя, а второе – на мужское.

Он выразительно посмотрел на нее.

Анна сразу почувствовала, как сердце стало биться чаще.

– И что же там написано?

Старик посмотрел на нее с некоторым удивлением.

– Вы слишком волнуетесь для человека, который лишь проездом посещает Белый Маяк.

Девушка всплеснула руками.

– Признаюсь, история меня заинтересовала. Вы правы. Но и вы поддались искушению, не так ли?

Старику пришлось признать, что так оно и есть.

– Я ведь занимаюсь тем, что произвожу впечатление на туристов. Желательно благоприятное. Я обязан знать все интересные истории этого места. От этого зависит мой заработок.

– Вы что-то хотели сказать про архивные записи? – напомнила Анна.

– Верно. Я не просто так намекнул вам на то, что некоторые легенды имеют правдивое обоснование. На маяке действительно разыгралась страшная трагедия: погибли люди. В медицинском отчете сказано, что женщина скончалась от внутреннего кровоизлияния, произошедшего из-за падения с большой высоты. Она умерла до прибытия помощи. Тут ничего нельзя было поделать. А вот мужчину нашли с огнестрельным ранением. Выстрел был произведен в упор. При вскрытии обнаружили деформированную пулю мелкого калибра, попавшую прямо в сердце. Мужчина погиб мгновенно.

Девушка слушала с придыханием и ее воображение рисовало такую картину: Деметрия убил какой-то неизвестный. Свидетелем убийства стала София, поэтому убийца избавился и от нее.

– Удалось выяснить, кто погиб первым? Вскрытие показало примерное время убийства Деметрия? – спросила она.

Старик уставился на нее непонимающе. Затем его рот расплылся в улыбке.

– Деметрий? Нет! Застреленного мужчину звали Антоний. Он был супругом нашей Софии.

Адам

Дорога вдоль океана постоянно петляла.

Блестящая сине-зеленая вода появлялась то где-то далеко вдаль, скрываясь за лесистыми холмами, то с шумом приближалась к берегу, так что девушка за рулем голубого «форда» могла рассмотреть бурлящую белую пену и услышать грохот океанского прибоя. Ветер, врывающийся в приоткрытые окна автомобиля, приносил прохладную свежесть.

Этот северный океан казался другим, чем тот, у которого она родилась. Скалы были круче, вода холоднее. Даже визгливые чайки кричали сердитее.

Здесь больше густых сосновых лесов и можжевеловых зарослей. Анна была уверена, что, зайдя она вглубь леса, непременно найдет поляны, усеянные голубикой.

Правда, сейчас она не так обращала внимание на природную красоту этой части острова. Ее занимала мысль о драме, разыгравшейся здесь когда-то давно.

У Софии был муж?

Эта мысль выбивала из колеи. Хотя Анна видела Софию совсем маленькой, она ведь могла допустить мысль, что, повзрослев, та превратится в молодую женщину и выйдет замуж.

Чему тут удивляться? И почему она не подумала о том, что на маяке могло быть и больше участников произошедшего?

К тому же потом Энцо добавил, что Деметрия хватил удар: полный паралич, а затем не выдержало и сердце. Видимо, свершенные им злодеяния уничтожили его самого. История наделала много шума, и ее отголоски до сих пор доносились из прошлого.

Анна покосилась взглядом на сумку и покраснела: оттуда выглядывала потемневшая от времени деревянная ручка расчески.

– Обещаю, что верну тебя на место сразу, как только смогу что-то увидеть.

Вспомнив, как ловко она стащила щетку для волос из спальни, Анна глубоко вздохнула, испытывая смешанное чувство вины и радости. Если бы старик не отвлекся на другого посетителя, неизвестно, что бы ей пришлось еще придумать, чтобы зайти в спальню. Но то, что щетка была настоящей, не вызывало сомнений. Стоило ее коснуться, как Анну посетило знакомое ощущение провала во времени и жаркой пульсации во всем теле.

Она испугалась, что упадет в обморок, если подержит еще хоть мгновение расческу в руке, поэтому быстро сунула ее в сумку, чтобы прервать открывшийся поток видений. Не хватало еще, чтобы ее нашли тут без сознания. Как она потом объяснит свое поведение и то, что она забралась в комнату, куда нельзя входить?

Перекусив в небольшом ресторанчике, девушка отправилась бродить по узким улочкам, которые выводили ее то на площади, то на высокие смотровые площадки с видом на океан и скалы. Ей нужно было отвлечься от навязчивых мыслей выхватить щетку из сумки. Она просто умирала от любопытства. Но приходилось дожидаться вечера, чтобы спокойно провести ритуал.

На рекламных щитах то и дело показывался знакомый белый маяк с темной фигурой на его фоне: зловещий силуэт мужчины, держащего в руке череп с пустыми глазницами. Надпись под изображением гласила: «Узнай тайну Белого Маяка».

Испытывая нарастающее раздражение, Анна оглянулась в поисках указателей. Не увидев ни одного, она заметила ленивую кошку на подоконнике, а затем пару любопытных глаз в окне первого этажа, где располагалась летняя терраса.

Осознав, что его обнаружили, наблюдатель сделал испуганные глаза и молниеносно скрылся.

Анна подошла ближе и поднялась по ступенькам. Внутри никого из посетителей не было, только бармен за стойкой протирал полотенцем бокалы. За огромным цветочным горшком в углу она нашла скорчившегося мальчишку.

– Все в порядке? – спросила девушка. – Ты тут один? Где твои родители?

Мальчишка не шелохнулся, только смотрел.

– Ты понимаешь меня?

Он кивнул и чуть приподнялся.

– Я слишком взрослый, чтобы спрашивать разрешения.

Анна приняла серьезный вид.

– Не хотела тебя обидеть.

Тот осмелел и вылез из угла. На вид ему было лет одиннадцать или двенадцать.

– А я и не обиделся.

– Так что ты тут делал? – Анна проявила настойчивость.

Он вздохнул.

– Мне показалось, что вы кое на кого похожи.

Девушка удивленно подняла брови.

– И кого я тебе напомнила?

– Да так, неважно. Иногда нам чужие люди кого-то да напомнят.

– Ладно. Как твое имя?

– Адам.

– Хорошо, Адам. Я приехала недавно и совсем тут никого не знаю. Подскажешь, как мне выйти к Главной улице?

Мальчик кивнул.

– Проще простого. Я лучше провожу вас.

Девушка помедлила.

– Хотя ты уже взрослый, мне бы не хотелось, чтобы ты уходил далеко от дома.

Адам растянул улыбку до ушей.

– Поверьте, здесь я всюду как дома.

Мальчик оказался рассудительным не по годам. По пути Анна узнала, что его родители держат сувенирную лавку в центре города. Чем там торговали, девушка догадалась сразу.

– Наверное, ты что-то слышал о маяке и его прежних обитателях? – спросила она.

Адам остановился, бросив на нее обиженный взгляд.

– Еще бы! Я могу все рассказать о Черном колдуне!

– Не может быть!

– Кажется, вы мне не верите, а зря.

Анна рассмеялась.

– Прости. Конечно, я тебе верю.

Пока они неспешно шли по залитым солнцем тротуарам, мальчик успел поведать историю, приключившуюся здесь восемьдесят лет назад. Примерно то же самое рассказал ей и старик Энцо. Кажется, история, внесенная в путеводители, не отличалась большим разнообразием.

Главное было то, что Деметрий продал душу дьяволу, убил собственную сестру, ее мужа и вдобавок несчастных детей.

– Бедняжка София, не хотел бы оказаться на ее месте, – подытожил Адам. – А вы?

Понимая, что он ждет от нее поддержки, Анна кивнула.

– Думаешь, так было на самом деле?

Мальчик закатил глаза.

– Ну, конечно. Истории не появляются на пустом месте. Вы уже были на маяке?

Она покачала головой.

– Нет, думаю смогу попасть туда позже. Но я видела дом. Он совершенно чудесный.

– Маяк вам понравится больше, – заверил ее Адам. – Там куча всяких приборов и большая лампа наверху. Там колдун и застрелил Антония. Хотя я думаю, он мог и не тратить пули, а справиться с мужем сестры, наложив на него черное заклятие. Удивительно, что он не догадался это сделать. Правда?

– Действительно, – пробормотала Анна. – Ты прав.

– Вот, – подхватил обрадованный мальчик. – Рад, что вы со мной согласны.

– Может, – девушка решила поддержать его, – заклятию нужно было время, а он не хотел ждать?

Адам нахмурился.

– Да, пожалуй.

– Интересно, а как получилось, что все одновременно оказались на маяке в столь поздний час? Я так поняла, события развернулись под покровом ночи?

– Верно. Вы слышали легенду?

– Экскурсовод рассказал, что София искала своих детей и пришла на маяк, где и разыгралась трагедия.

– Это правда. В какой-то степени. Но еще была рождественская ночь, поэтому в доме у маяка собрались гости.

– А вот этого я не знала. Наверное, он забыл об этом упомянуть.

Мальчик усмехнулся.

– Не думаю. Вы про этого напыщенного Энцо? Он не упомянул об этом потому, что не очень ладит с моими родителями, поэтому избегает всяких намеков об их отношении к тем событиям.

Девушка удивленно на него посмотрела.

– Почему?

Адам вздохнул.

– Старая история. Понимаете, тут каждый бы хотел заявить, что был знаком с обитателями дома у маяка. Несмотря на все эти убийства и черную магию. Отец рассказывал, что моя прабабушка находилась там среди гостей, когда это случилось.

Анна замерла. Ее сердце забилось.

– Я тебя слушаю.

– Родители говорят, что эта история – наша семейная реликвия. Если посетите нашу лавку, вы увидите снимки, которые это подтверждают. Папа любит повторять, что благодаря этим фотографиям и преданиям у нас есть еда и кров.

– Понимаю. С радостью туда зайду, если дашь мне адрес.

– Знаете, я сам вас туда провожу, если у вас, конечно, нет других важных дел.

Девушка заверила, что дел нет.

– Удивительно. Я только сюда приехала и успела так много узнать о Белом Маяке. К тому же мне посчастливилось встретить тебя. Ты очень сообразительный. Тебе это, наверное, часто говорят?

Мальчик весь расцвел от похвал, но тут же немного сник.

– Нет, не очень, – неохотно ответил он. – В школе думают, что я считаю ворон, хотя учусь неплохо. Но мне больше нравятся истории о далеких странствиях и отважных путешественниках. Когда-нибудь я обязательно отсюда уеду.

Анна выразительно на него посмотрела и ободряюще положила ладонь на его плечо.

– Если ты этого хочешь, так и случится.

В сувенирном магазинчике было не протолкнуться.

Туристы, набрав в корзинки всякую мелочь, ждали своей очереди расплатиться за покупки. За кассой стояла женщина лет сорока в платье кораллового цвета. Она улыбалась каждому посетителю, упаковывая в хрустящую бумагу сувениры и складывая их в именной пакет с изображением все того же белого маяка.

– Подожду здесь, – шепнула Анна мальчику. Тот кивнул и исчез в глубине зала. Девушка скользнула взглядом по стенам, увешанным плакатами, значками, поделками и сувенирами. Но ее в первую очередь интересовали фотографии. Они висели на самом видном месте. Под черно-белыми снимками в деревянных рамках были поясняющие надписи.

В центре расположилось большое фото с медной табличкой. Снимок запечатлел празднично одетых людей на фоне рождественской ели.

Анна без труда узнала знакомых ей брата и сестру. На табличке имелась надпись, гласившая, что далеким рождественским вечером 1922 года в доме смотрителя маяка собрались гости, ставшие свидетелями чудовищного преступления. Перечислялись имена и фамилии присутствовавших, а также их отношение к событиям минувших дней.

– Моя прабабушка – слева, – раздался голос рядом. Адам вернулся из подсобки, что-то жуя. – Хотите печенье?

– Нет, спасибо.

Анна впиалась взглядом в женщину с короткими светлыми волосами.

– Как ее звали?

– Майя. Она была подругой Софии. Они довольно часто виделись. В нашем семейном альбоме есть несколько фотографий с прабабушкой и Софией. Мы страшно ими гордимся.

– Могу себе представить, – произнесла Анна.

– Идемте, познакомлю вас с мамой. Я сказал ей, что вы интересуетесь историей маяка. Кажется, у нее появилась свободная минута.

Валентина, мать Адама, казалась уставшей, но с готовностью откликнулась на просьбу девушки рассказать немного о своей семье.

– Жаль, не могу вам предложить присесть. Мы работаем почти без отдыха.

– Это ничего, – поблагодарила Анна. – Адам рассказал, что ваша бабушка была знакома с главной героиней этой удивительной, хотя и мрачной истории.

– Так и есть. Сразу внесу ясность: это бабушка мужа, но так как мы одна семья, эта история дорога и мне, словно мы самые близкие родственники. Муж рассказывал, что это предание бережно передавалось из уст в уста. Деметрий и София были близнецами. Их мать чуть не умерла при родах и не особо с ними церемонилась. Смотритель маяка был жуткий пьяница, пока дочь не заболела, и уж тогда он дал особый обет: не брать в рот ни капли. Не знаю точно, исполнил ли он обещание, но, видимо, так оно и случилось. Знаете, что странно? Говорили, что смотритель не любил сына по какой-то причине и даже отправил его жить к своей сестре Агате. Мальчик рос у нее и был смысленный, хоть и нелюдимый. Дурного, по крайней мере, о нем не говорили. Все началось, когда Деметрий изучил медицину и стал принимать пациентов. Сперва все шло хорошо. Он очень многим помог, и, понятное дело, люди были ему благодарны. Но потом пошли слухи, что не все «чисто» в доме у маяка. Старый смотритель умер, оставив все имущество своим детям. Софии дом у маяка не был нужен, так как ее супруг владел большой усадьбой. Они разводили лошадей. Деньги у них водились. К этому времени у нее уже родился мальчик Эрик, а потом, представьте себе, близнецы Петер и Вера.

– Ах, вот как, – произнесла Анна, – еще близнецы.

– Именно, – кивнула Валентина. – Впрочем, ничего удивительного. В семье, где однажды родились близнецы, у следующих поколений они обязательно появятся вновь. По воспоминаниям Майи, София была невероятной красавицей, от которой мужчины сходили с ума. Она могла бы легко стать актрисой или выйти замуж за аристократа, если бы таковые на тот момент водились в наших краях, – добавила она с усмешкой. – Но она встретила Антония. Что и гово-

ритель, избранник ее был хорош собой и не бедняк какой-нибудь. Лошадей обожал, потому и решил конную ферму устроить. София с радостью вышла за него замуж, как только он сделал ей предложение.

– А что Деметрий? – не выдержала Анна.

– Стал следующим смотрителем маяка. Жил там со своей молодой женой.

– Так он был женат?

Валентина кивнула.

– Идите сюда, я вам покажу.

Она встала рядом с фотографиями, которые Анна только что рассматривала, и указала на самую большую.

– Видите эту девушку? – она поднесла руку к снимку. – Это и есть Марина – жена Деметрия. Кажется, она от него ни на шаг не отходила.

– Как вы думаете, почему он застрелил Антония?

Валентина пожала плечами.

– Он был странным с рождения. Вероятно, завидовал.

– Что же было у Антония, чего не хватало Деметрию?

– Хороший вопрос.

– К тому же мы знаем, что Деметрий помогал людям. Верно?

– Это так. Но знаете, что я скажу? Все здесь верят, что он продал душу дьяволу за свои способности. Это погубило не только его самого, но и близких ему людей.

– Но ведь кто-то мог нарочно его оклеветать. У одаренных людей часто бывают враги.

– Целый город? Конечно, все это произошло не за один день. Кому-то взбрело в голову попросить приворотное зелье, а Деметрий его приготовил. Зелье подействовало, и Деметрий проснулся знаменитым. Какой обычный врач на это способен? Даже не убеждайте меня в обратном. Это чистое колдовство. С тех пор никто в нашем городе не знал покоя, ни в прямом, ни в переносном смысле. У каждого нет, нет, да и рождались смелые мысли. Что такого можно попросить у молодого отшельника с маяка? Теперь, что бы ни происходило, дурного или хорошего, связывали с его именем. Все это полушепотом, между делом. Далеко не всем хотелось признаваться, что они тоже замешаны в каких-то темных делишках.

Анна хотела что-то спросить, но тут звякнул колокольчик, и в лавку вошли покупатели. Валентина извинилась, прервав рассказ.

– Мне нужно работать. Но если вам интересна судьба близнецов, можете посетить старую лошадиную ферму. Ту самую, где жила София после замужества. Ферма в полчаса езды на автомобиле. Адам, возьми карту и покажи, как туда проехать.

– Конечно, мам, – он взял с полки разноцветный проспект и с шелестом его развернул.

Анна прижала руку к груди.

– Благодарю за уделенное время.

– Ну что вы, мне это совсем не трудно. Заходите к нам, – улыбнулась Валентина. – Мы еще поговорим.

Лошадиная ферма

Получив подробные разъяснения от Адама, девушка вышла на улицу.

Он вызвался сопровождать ее, но она сказала, что ему лучше остаться в магазине и помочь матери. Мальчик послушался, хотя ему этого вовсе не хотелось. До парковки отеля было рукой подать, и вскоре голубой «форд» снова выехал на шоссе.

Следовало ехать до первого перекрестка, повернуть направо, а дальше все прямо и прямо, до небольшой рощи. Впрочем, всюду встречались дорожные знаки, поэтому найти ферму труда не составило.

Дорога вывела к развилке с раскидистым дубом и желтым указателем. Через несколько минут автомобиль миновал высокую арку ворот и остановился у ограды, увитой зеленью.

На многие километры вокруг тянулись то густые рощи, то поля, то ухоженные сады. Судя по всему здесь текла неторопливая загородная жизнь.

Ветер приносил запах скошенной травы и луговых трав. Неподалеку паслись кони, переступая с ноги на ногу. Пестрая корова с колокольчиком лениво жевала траву, показывая всем своим видом, что она уж точно никуда не спешит.

Анна подумала, что не отказалась бы сейчас от стакана горячего молока со свежеепеченной булочкой с корицей. Она вышла из машины и потянулась.

Здесь все дышало умиротворением. Под ногами хрустели мелкие камешки. От парковки к дому вела широкая аллея, засаженная липами, за которыми по обеим сторонам шла аккуратная белая деревянная ограда. Видно, ее перекрасили совсем недавно. Анне показалось, что она ощущает запах краски.

Дом был двухэтажный, выложенный грубым тесаным камнем, серый цвет которого перемежался с ярко-зеленым цветом разросшегося по каменной кладке мха. Над красной черепичной крышей торчали закопченные трубы, которые, несомненно, славно поработали в свое время. Впрочем, это совсем не портило облик дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.